

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-4-6-33>

Исследовательская статья
Поступила в редакцию: 25.08.2022
Принята к публикации: 14.11.2022

Александр Николаевич ВЫЛЕГЖАНИН

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России
Проспект Вернадского, д. 76, Москва, 119454, Российская Федерация
danilalvy@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4833-2525

Анастасия Михайловна КОРЖЕНЯК

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России
Проспект Вернадского, д. 76, Москва, 119454, Российская Федерация
mihkor@gmail.com
ORCID: 0000-0002-7162-2785

КЛАУЗУЛЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ МОРСКОМ ПРАВЕ

ВВЕДЕНИЕ. *Международно-правовое содержание понятия «устойчивое развитие», столь часто встречающегося в международных договорах и выраженное подчас разными терминами, несомненно требует современного уточнения, как и место этого понятия в системе международного права.*

Во-первых, интерес представляет ответ на вопрос, как идеи устойчивого развития смогли достичь своей кристаллизации в качестве понятия международного права. Во-вторых, на примере договорных источников международного морского права, где это понятие особенно часто встречается, значимо выявление намерений государств-участников таких договоров рассматривать клаузулы об устойчивом развитии как юридические обязательства. В-третьих, важно определить, составляют ли эти клаузулы в настоящее время принцип международного морского права или же сохраняют статус отдельных договорных обязательств, не связанных между собой.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. *Статья подготовлена по результатам анализа, прежде всего, норм международного морского права, в которых используется понятие «устойчивое развитие», с привлечением научно-правовой литературы и судебных решений, имеющих отношение к теме. При проведении исследования задействованы*

методы юридического толкования, правового моделирования, анализа и синтеза, системный, структурно-функциональный, формально-логический, формально-юридический, историко-хронологический методы.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. *Продоланный анализ международных договоров, иных международно-правовых актов, применимых к теме, показывает, что давно высказанные идеи об «устойчивом развитии» имеют в настоящее время устоявшееся нормативное закрепление; что положения международных договоров об устойчивом развитии уже сформировались в качестве межотраслевого принципа международного права на стыке преимущественно международного морского и международного экологического права; что государства на практике принимают на себя конкретные обязательства, реализуют соответствующие права в рамках поддержания данного межотраслевого принципа.*

Предложено авторское видение содержания этого принципа, показаны его разнообразные проявления в международном морском праве.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. *По результатам исследования критически оценено преобладающее в западной международно-правовой литературе мнение о том, что идею устойчивого развития предложила комиссия, подгото-*

вившая в 1987 г. доклад «Наше общее будущее» («Доклад Брундтланд»). Показано, что эта идея возникла задолго до этого доклада, а начальные механизмы устойчивого развития были к 1987 г. уже отражены в действующих международных договорах. Предложен вывод о том, что международно-правовое понятие устойчивого развития обладает рядом кумулятивных составляющих, в совокупности определяющих его содержание. Среди них есть элементы, которые входят в данное понятие прежде всего по причине того, что служат средствами достижения целей устойчивого развития, имея гораздо более узкую сферу применения при их изолированном толковании. Международно-правовой принцип устойчивого развития нацелен на разрешение противоречия, в первую очередь, между правом государств на развитие и их обязанностью защищать окружающую среду, выполняя функцию «связующего звена», не позволяющего пренебрегать ни первым, ни вторым. Безусловно, значение и его социальное измерение, хотя оно трактуется в международно-правовой литературе весьма различно.

В контексте современного международного права целесообразно говорить о межотраслевом характере принципа устойчивого развития: его юридическое содержание выходит за рамки от-

дельных отраслей международного права, в том числе международного морского, экологического, экономического права. Вместе с тем, большинство международных договоров универсального и особенно регионального характера, в которых содержатся в том или ином виде клаузулы устойчивого развития, в настоящее время относятся к источникам международного морского права, что, впрочем, может измениться в будущем.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: устойчивое развитие, устойчивое использование, устойчивое управление, принципы международного права, защита морской среды, принцип предосторожности, природоохранное сотрудничество, экосистемный подход, международное морское право, международное экологическое право

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Вылегжанин А.Н., Корженяк А.М. 2022. Клаузулы устойчивого развития в международном морском праве. – Московский журнал международного права. № 4. С. 6–33. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-4-6-33>

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-4-6-33>

Alexander N. VYLEGZHANIN

Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia
76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454
danilalvy@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4833-2525

Anastasia M. KORZHENYAK

Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia
76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454
mihkor@gmail.com
ORCID: 0000-0002-7162-2785

Research article
Received 25 August 2022
Approved 14 November 2022

SUSTAINABLE DEVELOPMENT CLAUSES IN THE INTERNATIONAL LAW OF THE SEA

INTRODUCTION. *The international legal content of the concept of sustainable development, so common in international treaties and sometimes expressed in different terms, undoubtedly requires modern clarification, as well as its place in the system of international law.*

Firstly, it is interesting to answer the question of how ideas of sustainable development have resulted in their crystallization as a concept of international law. Secondly, using treaty sources of the international law of the sea, where this notion is particularly common, it is meaningful to identify the intentions of States parties to such treaties to consider sustainable development clauses as legal obligations. Thirdly, it is important to determine whether these clauses now constitute a principle of the international law of the sea or whether they retain the status of separate treaty obligations that are not interrelated.

MATERIALS AND METHODS. *The article is based on the analysis primarily of the norms of the international law of the sea, in which the term «sustainable development» is applied, with reference to the scientific and legal literature and judicial decisions relevant to the topic.*

The research involves methods of legal construction, legal modeling, analysis and synthesis, systematic, structural-functional, formal-logical, formal-legal, historical and chronological methods.

RESEARCH RESULTS. *The analysis of international treaties and other international legal instruments applicable to the issue has shown that the long-standing ideas of «sustainable development» are now normatively well-established; that the provisions of international treaties on sustainable development have already developed as an inter-branch (cross-cutting) principle of international law at the intersection, primarily, of the international law of the sea and international environmental law; that States undertake in practice explicit obligations and exercise relevant rights in the framework of upholding this cross-cutting principle.*

The authors' vision of the content of this principle is offered and its various manifestations in the international law of the sea are shown.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *The study critically evaluates the prevailing view in the Western international legal literature that the idea of sustaina-*

ble development was suggested by the 1987 Report «Our Common Future» (the Brundtland Report). It has been shown that the idea predates this report, and that the initial mechanisms for sustainable development had already been reflected in existing international treaties by 1987. The suggestion is made that the international legal concept of sustainable development has several cumulative components that together define its content. Among these there are elements that are part of this concept primarily because they are means of achieving sustainable development goals, having a much narrower scope if interpreted in isolation. The international legal principle of sustainable development seeks to resolve the tensions primarily between the States' right to development and their duty to protect the environment, serving as a nexus that ensures that neither the one nor the other is neglected. Its social dimension is undoubtedly significant, although it has been interpreted very differently in the international legal literature.

In the context of contemporary international law, it is expedient to assert an inter-branch (cross-cutting) nature of the sustainable development principle: its legal content extends beyond the scope of specific branches of international law, including international law of the sea, international environmental and economic law. However, most international treaties of a universal and especially regional character that contain some form of sustainable development clauses currently refer to sources of the international law of the sea, which may certainly change in the future.

KEYWORDS: *sustainable development, sustainable use, sustainable management, principles of international law, protection of the marine environment, precautionary principle, environmental cooperation, ecosystem approach, international law of the sea, international environmental law*

FOR CITATION: Vylegzhanin A.N., Korzhenyak A.M. Sustainable Development Clauses in the International Law of the Sea. – *Moscow Journal of International Law*. 2022. No. 4. P. 6–33. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-4-6-33>

The authors declare the absence of conflict of interest.

1. Введение

Вопрос о международно-правовом содержании понятия «устойчивое развитие», о его значении в международном праве остаётся открытым для научного ответа. В исследованиях многочисленных международно-правовых актов, содержащих положения об устойчивом развитии, распространено осторожное мнение, не причисляющее такие положения к действующим нормам международного права, создающим права и обязательства государств; тем более – к сложившемуся принципу международного права; многие правоведы склонны характеризовать эти положения в качестве намерений соответствующих государств, что влияет лишь на толкование и применение норм конкретного международного договора. Кроме того, авторы таких исследований преимущественно сосредотачивают внимание на актах «мягкого права», а не на текстах международных договоров. В таком контексте, по их мнению, клаузулы устойчивого развития в международном праве наличествуют, но до сих пор имеет неопределённый статус [Luff 1996: 91-144; Klauer 1999: 114-121; Lang 1999: 157-172; Sands 1999: 389-405; Sands 2003:252-266; International Law and Sustainable Development ...2004:7-38; Schrijver 2008:162-221; Kates, Parris, Leiserowitz 2005:8-21; Birnie, Boyle, Redgwell 2009:115-127].

В данной статье представлены результаты авторского анализа, нацеленного на выяснение роли положений об устойчивом развитии, содержащихся в универсальных и некоторых региональных международных морских договорах, а также на получение ответа на вопрос, являются ли они международно-правовыми нормами. При этом учитывается отсутствие общепринятого определения понятия «устойчивое развитие» на уровне международного договора. Принято во внимание и то, что самым цитируемым документом, в котором была

предпринята попытка разработать соответствующую дефиницию, в юридической литературе считается доклад «Наше общее будущее» («Our Common Future»), называемый также докладом Брундтланд («Brundtland Report»)¹. С ним же во многих русскоязычных² и зарубежных³ публикациях связывается возникновение самой правовой идеи устойчивого развития. В настоящей статье показано, что такое мнение не вполне корректно в силу того, что анализ соответствующих международно-правовых документов показывает более длительную историю формирования правовых составляющих концепции устойчивого развития и что предложенному в «Докладе Брундтланд» определению устойчивого развития свойственны существенные недостатки, прежде всего такие, как абстрактность и антропоцентричность. Соответственно, в статье предложено авторское понимание юридического содержания понятия «устойчивое развитие», видение места данного понятия в международном праве, выявление основных его элементов в контексте морского права. Акцент на исследовании клаузул устойчивого развития, содержащихся в международных договорах по морскому праву, обусловлен прежде всего тем, что к настоящему времени большинство международных договоров (как универсального, так и регионального характера), в которых содержатся положения об устойчивом развитии, относятся именно к источникам международного морского права.

2. Постановка вопроса о содержании понятия «устойчивое развитие» в международном праве

Экологические проблемы, как известно, носят и региональный, и глобальный характер, ввиду чего признана необходимость в соответствующем международно-правовом регулировании и сотрудничестве государств на всех уровнях. В связи с этим, как верно отмечено,

¹ Подготовлен в 1987 г. Всемирной комиссией ООН по окружающей среде и развитию под руководством бывшего премьер-министра Норвегии Гру Харлем Брундтланд (Gro Harlem Brundtland); далее также – «Доклад 1987 г.» или «Доклад Брундтланд».

² В автореферате диссертации, защищённой в 2004 г., отмечено, что понятие «устойчивое развитие», ранее «сформулированное в докладе «Наше общее будущее», было введено «впервые» в научный оборот на «Конференции ООН по окружающей среде и развитию 1992 г.». См.: Ли Сын Мин. Экологическая составляющая концепции устойчивого развития (международно-правовые аспекты). Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Москва. 2004. С. 4.

³ «In the Brundtland Report the interdependence between economy, ecology and development is the main thing». Cited from: [Towards an Ecologically Sustainable Economy...1990:11].

«в международном праве под влиянием экологических категорий возникают новые понятия, а некоторые известные институты приобретают новое содержание» [Сперанская 1978:144]. В своем монографическом труде об охране морской среды Л.В. Сперанская выделяет (среди новых понятий, возникших в международном праве вследствие «обострения» экологических проблем) такие, как «экологическая безопасность», «экологическая экспансия», «экоцид», «погодная война», «марецид» и т.д. [Сперанская 1978:146-151]. Проф. Копылов М.Н. определяет понятие «экологическая безопасность» как приоритетную составную часть «глобальной безопасности мирового сообщества, реализующего переход к устойчивому развитию, а также приоритетный критерий социального развития» [Копылов 2003:244]. На таком теоретическом фоне понятие «устойчивое развитие» можно отнести к разряду новых, возникших в международном праве в процессе его прогрессивного развития.

Сама идея ненанесения ущерба окружающей среде при антропогенной деятельности не является монополюющей для обозначения понятия устойчивого развития. Например, предложено считать, что более широкая концепция устойчивого развития «вытеснила» более узкую концепцию охраны окружающей среды [Andresen 2016:78]. Но вряд ли о «вытеснении» здесь можно говорить; скорее, об охвате первым понятием второго, о естественном включении в содержание понятия «устойчивое развитие» природоохранной составляющей, наряду с иными. По смыслу документов сущность понятия устойчивого развития определяет сочетание как минимум трёх ключевых компонентов – экономического, экологического и социального⁴, но не обязательно только их. Встречаются предложе-

ния по выделению и иных компонентов данного понятия: 1) культурный [Hawkes 2001:5-60]⁵; 2) духовный [Бринчук 2014:15-24]; 3) «человеческий» («human») [Duran et al. 2015:806-811]. Их можно, впрочем, отнести к социальному компоненту.

В основе широкого, многокомпонентного подхода к выявлению содержания понятия устойчивого развития лежит осознание неразрывности, целостности, комплексности регулируемых международным правом экономических, экологических и социальных отношений, взаимопроникающих друг в друга. Концепция устойчивого развития исходит из обозначенного постулата: экономическое развитие государств, регионов (обусловленное интересами людей) и охрана окружающей среды (обусловленная не только этими интересами) должны рассматриваться как цели, взаимозависимые и взаимно дополняющие друг друга, а не как противоположающие⁶. Согласно ранее упомянутому докладу «Наше общее будущее», «устойчивое развитие – это развитие, которое удовлетворяет потребности нынешнего поколения, не ставя под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности». Исходя из данного определения, устойчивое развитие содержит в себе лишь две ключевые составляющие: 1) ориентация на удовлетворение «потребностей» нынешнего поколения людей, что важно в контексте насущной проблемы бедности большей части населения нашей планеты; 2) предложение «ограничений» государствами деятельности, имеющей негативные последствия для окружающей среды в связи с растущим технологическим инструментарием такой деятельности. Суть обеспечения «устойчивости» развития любого государства, региона состоит в том,

⁴ Копенгагенская декларация о социальном развитии 1995 г. (п. 6): «экономическое развитие, социальное развитие и охрана окружающей среды являются взаимозависимыми и взаимодополняющими компонентами устойчивого развития»; Программа действий по дальнейшему осуществлению «Повестки дня на XXI век» (пп. 3 и 23); Йоханнесбургская декларация по устойчивому развитию (п. 5); Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г. (п. 48); Итоговый документ «Будущее, которого мы хотим» 2012 г. и др.

⁵ Например, в преамбуле Рамсарской конвенции о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение, главным образом, в качестве местобитаний водоплавающих птиц 1971 г. говорится о «большом экономическом, культурном и рекреационном значении» водно-болотных угодий; в преамбуле Хельсинкской конвенции по защите морской среды района Балтийского моря 1992 г. сказано об «исторической и современной экономической, социальной и культурной ценности района Балтийского моря для благополучия и развития народов этого региона».

⁶ «We need to stop talking about conservation and development as if they were in opposition and recognize that they are essential parts of one indispensable process». Cited from: Caring for the Earth: A Strategy of Sustainable Living. 1991. P. 8. URL: <https://wedocs.unep.org/handle/20.500.11822/30889> (accessed 08.04.2022).

что при использовании природных ресурсов сегодня должна преследоваться цель развития, но это развитие не должно причинять ущерб будущим поколениям; то есть природные ресурсы должны находиться в устойчивом состоянии, чтобы будущие поколения тоже могли их использовать. При этом акцентируется внимание на устойчивости именно экономического и социального развития человечества, но не планеты в целом, её геосистем. Это послужило основанием рассматривать Доклад 1987 г. как «антропоцентрический»⁷. В 1992 году был принят ряд юридически необязательных документов (актов «мягкого права»)⁸, создана в качестве вспомогательного органа ЭКОСОС Комиссия ООН по устойчивому развитию (по итогам проведения в 1992 году в Рио-де-Жанейро Конференции ООН по окружающей среде и развитию – так называемого «Саммита Земли»)⁹.

Определение понятия «устойчивое развитие», предложенное в «Докладе Брундтланд» 1987 г., является, как ниже будет показано, не

единственным; есть множество иных международных документов, в которых содержатся ссылки на понятие «устойчивое развитие»¹⁰, либо на сопряжённые с ним термины, в том числе, выступающие его элементами [Guide to Sustainable Development...2002:74-77]. Соответственно, важно проанализировать, каков юридический контекст положений об устойчивом развитии, предусмотренных в конкретных международных договорах, иных источниках международного права.

Например, в **Конвенции о сотрудничестве в области защиты и устойчивого развития морской и прибрежной среды северо-восточной части Тихого океана 2002 г.**¹¹ среди используемых дефиниций на первом месте указан термин «sustainable development» (ст. 3), который определён как «процесс прогрессивного изменения качества жизни человека, при котором человек выступает центром и основным субъектом развития, посредством экономического роста, при социальной справедли-

⁷ См.: Боклан Д.С. Взаимодействие международного экологического и международного экономического права. Дисс...д-ра юрид. наук. Москва. 2016. С. 88.

⁸ 1) Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию 1992 г. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml (дата обращения: 09.04.2022); 2) Повестка дня на XXI век. Принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 года. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21.shtml (дата обращения: 09.04.2022); 3) Принципы лесоводства. Приняты Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 года. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/forest.shtml (дата обращения: 09.04.2022).

⁹ United Nations Conference on Environment and Development. Rio de Janeiro, Brazil, 3-14 June 1992. URL: <https://www.un.org/en/conferences/environment/rio1992> (accessed 09.04.2022).

¹⁰ Например, в преамбуле Марракешского соглашения об учреждении Всемирной торговой организации 1994 г. предусмотрено следующее: государства-участники признают, что их экономические отношения должны способствовать «росту производства и торговли товарами и услугами при наиболее целесообразном использовании мировых ресурсов в соответствии с целями устойчивого развития». См.: Marrakesh Agreement Establishing the World Trade Organization URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/04-wto_e.htm (accessed 12.03.2022). Важно подчеркнуть, что, следуя тексту соглашения на английском языке, где термин «objective» использован в единственном числе, корректнее говорить о том, что само «устойчивое развитие» выступает в качестве цели, а не соответствие его целям должно быть обеспечено. См. подробнее: [Van den Bossche, Zdouc 2022:94-96].

В преамбулах мегарегиональных инвестиционных соглашений также присутствует цель достижения и продвижения устойчивого развития (так же, как и в преамбуле Марракешского соглашения 1994 г., относящегося к торговым соглашениям), например: 1) USMCA. 2020. URL: <https://can-mex-usa-sec.org/secretariat/assets/pdfs/usmca-aceum-tmec/agreement-eng.pdf> (accessed 09.04.2022); 2) CPTPP. 2018. URL: <https://www.dfat.gov.au/sites/default/files/tpp-11-treaty-text.pdf> (accessed 09.04.2022); 3) The Dominican Republic – Central America – United States Free Trade Agreement. 2004. URL: [https://wits.worldbank.org/GPTAD/PDF/archive/UnitedStates-DominicanRepublic\(CAFTA\).pdf](https://wits.worldbank.org/GPTAD/PDF/archive/UnitedStates-DominicanRepublic(CAFTA).pdf) (accessed 09.04.2022). В этой связи также показательным является пример формулировки цели устойчивого развития в положениях Договора к Энергетической хартии (ДЭХ) 1994 г., п. 1 ст. 19 (экологические аспекты): «Преследуя цель обеспечить устойчивое развитие <...> каждая Договаривающаяся Сторона стремится сводить к минимуму экономически эффективными методами вредное воздействие на окружающую среду». Договор к энергетической хартии и связанные с ним документы. Доступ: <https://www.energycharter.org/fileadmin/DocumentsMedia/Legal/ECT-ru.pdf> (дата обращения: 12.03.2022).

¹¹ Convention for Cooperation in the Protection and Sustainable Development of the Marine and Coastal Environment of the Northeast Pacific of 18 February 2002. URL: <https://www.ecolex.org/details/treaty/convention-for-cooperation-in-the-protection-and-sustainable-development-of-the-marine-and-coastal-environment-of-the-northeast-pacific-tre-001350/> (accessed 09.04.2022).

ности и трансформации методов производства и моделей потребления, и который поддерживается [«is sustained»] в условиях экологического равновесия и жизнеобеспечения региона». Этот процесс, как констатировано в Конвенции 2002 г., предполагает уважение «регионального, национального и местного этнического и культурного разнообразия, а также полноценное участие людей в мирном сосуществовании и гармонии с природой, без ущерба для будущих поколений и обеспечивая качество их жизни». Приведённое определение, как представляется, детальнее, чем в докладе «Наше общее будущее» 1987 г., раскрывает правовой контекст устойчивого развития. Это определение делает акцент на обеспечении качества жизни нынешнего поколения в «гармонии с природой», тем самым и на обеспечении интересов будущих поколений, включая заботу о будущих поколениях, на ценностных характеристиках объектов договорной защиты.

Возникает также вопрос о соотношении понятия «устойчивое развитие» и термина «устойчивое управление», на который нередко ссылаются в рамках продвижения так называемой «синей экономики» («blue economy»), когда делается акцент на системном, устойчивом развитии тех отраслей экономики, которые связаны с экоориентированным использованием природных ресурсов и пространств Мирового океана [Spalding, Braestrup, Refosco 2021:27-60; Alam 2021:61-80]. В 2015 г. Международный трибунал по морскому праву истолковал выражение «устойчивое управление» как означающее «сохранение и развитие»¹², но лишь в контексте п. 1 ст. 63 **Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.** На «сохранение и развитие» нацеливают множество международных договоров, как и на рациональное управление морскими пространствами, прежде всего для

защиты морской среды. В так называемой Конвенции Вайгани 1995 г. (**Конвенции о запрещении ввоза в островные государства – члены Форума опасных и радиоактивных отходов и о контроле за трансграничной перевозкой и утилизацией опасных отходов в пределах Южно-Тихоокеанского региона**)¹³, термин «управление» («management») определяется как «предотвращение и сокращение [«prevention and reduction»] количества опасных отходов, а также сбор, транспортировка, хранение и обработка или удаление опасных отходов, включая последующий уход за местами их удаления» (ст. 1). Этот же документ ориентирует и на «экологически безопасное обращение с опасными отходами» («environmentally sound management of hazardous wastes»). В целом, под управлением здесь понимается совокупность ряда юридически обозначенных мер, которые направлены на устойчивое развитие.

При договорно-правовом определении термина «устойчивое использование» делается акцент, во-первых, на долгосрочности наличия природных ресурсов, рациональном управлении ими и, во-вторых, на их востребованности для удовлетворения человеческих потребностей не только в настоящее время, но и в дальнейшем, при будущих возможностях науки и технологий. Так, термин «устойчивое использование» определён как «использование компонентов биологического разнообразия таким образом и такими темпами, которые не приводят в долгосрочной перспективе к сокращению биологического разнообразия, тем самым сохраняя его потенциал для удовлетворения потребностей и чаяний нынешнего и будущих поколений». Данная дефиниция предложена в ст. 2 **Конвенции о биологическом разнообразии 1992 г.**¹⁴; она свидетельствует о намерении учитывать разработанное в Докладе 1987 г.

¹² См. п. 191 консультативного заключения МТМП от 2 апреля 2015 года по запросу, поданному Субрегиональной комиссией по рыболовству (СРКР). International Tribunal for the Law of the Sea: Request for an Advisory Opinion submitted by the Sub-Regional Fisheries Commission (SRFC) (Request for Advisory Opinion submitted to the Tribunal). April 2, 2015. P. 4. URL: https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/case_no.21/advisory_opinion_published/2015_21-advop-E.pdf (accessed 09.04.2022).

¹³ Convention to Ban the Importation into Forum Island Countries of Hazardous Wastes and Radioactive Wastes and to control the Transboundary Movement and Management of Hazardous Wastes within the South Pacific of 16 September 1995. URL: <https://www.ecolex.org/details/treaty/convention-to-ban-the-importation-into-forum-island-countries-of-hazardous-wastes-and-radioactive-wastes-and-to-control-the-transboundary-movement-and-management-of-hazardous-wastes-within-the-south-pacific-tre-001241/> (accessed 09.04.2022).

¹⁴ Convention on Biological Diversity (CBD) of 5 June 1992. URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XXVII-8&chapter=27&clang=_en (accessed 09.04.2022).

понимание сути устойчивого развития. Интересно, однако, добавление в Конвенции 1992 г. «скоростного» аспекта. Последний отражён также, например, в **Протоколе о сохранении биологического разнообразия и создании сети охраняемых территорий в Красном море и Аденском заливе 2005 г.**¹⁵. В нём хотя и используется термин «sustainable development», но определение даётся только термину «sustainable use» (п. 22 ст. 2), сходное с предложенным в Конвенции о биологическом разнообразии.

В постановлении о временных мерах по делу «О южном голубом тунце» 1999 г. Международный трибунал по морскому праву (далее – Трибунал) подчеркнул, что стороны обязаны «активизировать свои усилия по сотрудничеству с другими участниками промысла южного голубого тунца» для обеспечения его сохранения как вида и для содействия «достижению цели оптимального использования запаса» (п. 78)¹⁶. Понятно, что «оптимальное использование» нацелено на гармонию экологического (сохранение запаса голубого тунца) и экономического (продолжение данного вида экономической деятельности) интересов. В постановлении о временных мерах по делу «О заводе МОКС» 2001 г. Трибунал указал на обязанность государств сотрудничать в качестве «фундаментального принципа предотвращения загрязнения морской среды согласно части XII Конвенции ООН по морскому праву и общему международному праву» (п. 82)¹⁷. Соответственно, в резолютивной части Трибунал постановил, что стороны обязаны сотрудничать в части обмена информацией, мониторинга рисков и последствий эксплуатации завода, разработки мер по предотвращению загрязнения морской среды. По смыслу этого документа обязанность сотрудничать включает в себя: 1) проведение оценки воздействия на окружающую среду («environmental impact assessment»); 2) обмен

информацией, в том числе о чрезвычайных ситуациях; 3) соблюдение экологических стандартов. Вместе с тем Трибунал не обозначил в качестве принципа те положения международных договоров, которые нацеливают на устойчивое развитие.

Итак, вопрос о международно-правовом содержании понятия «устойчивое развитие» обозначен и в документах, и в юридической науке, но при явной дискуссионности в выявлении такого содержания, даже многовариантности. При этом отмечено, что в настоящее время иной разумной альтернативы этой «новой парадигме» в международном праве не предложено [Бринчук 2011:18-19]¹⁸. Соответственно, ответ на обозначенный вопрос даёт, видимо, исследование контекста, прежде всего, конкретных международных договоров, предусматривающих положения об устойчивом развитии.

3. Анализ договорно-правовых механизмов устойчивого развития морской деятельности государств

Большинство международных договоров универсального и регионального характера, в которых выражена в том или ином виде идея устойчивого развития, относятся, как было отмечено, к источникам международного морского права. Представленные ниже результаты их анализа свидетельствуют о длительном процессе становления этой правовой идеи, причём задолго до 1987 года, о её кристаллизации не только в актах «мягкого права», но именно в международных договорах, в том числе универсальных.

3.1. Международные морские и природоохранные договоры универсального уровня

(1) К универсальному международному морскому договору, в котором уже выражена

¹⁵ Protocol concerning the Conservation of Biological Diversity and the Establishment of Network of Protected Areas in the Red Sea and Gulf of Aden of 12 December 2005. URL: <https://www.ecolex.org/details/treaty/protocol-concerning-the-conservation-of-biological-diversity-and-the-establishment-of-network-of-protected-areas-in-the-red-sea-and-gulf-of-aden-treaty-147472/> (accessed 09.04.2022).

¹⁶ International Tribunal for the Law of the Sea: Southern Bluefin Tuna (New Zealand v. Japan; Australia v. Japan). Provisional Measures. Order of 27 August 1999. P. 280. URL: https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/case_no_3_4/published/C34-O-27_aug_99.pdf (accessed 09.04.2022).

¹⁷ International Tribunal for the Law of the Sea: MOX Plant (Ireland v. United Kingdom). Provisional Measures. Order of 3 December 2001. P. 95. URL: https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/case_no_10/published/C10-O-3_dec_01.pdf (accessed 09.04.2022).

¹⁸ См.: Боклан Д.С. Указ. соч. С. 101.

идея устойчивого развития, относится **Международная конвенция по регулированию китобойного промысла 1946 г.** В преамбуле конвенции подчёркивается наличие общего интереса и заинтересованности всех государств мира в «сохранении для будущих поколений» естественных богатств, представленных запасами китов, в максимально быстром достижении «оптимального уровня запасов китов», не вызывая при этом «значительных экономических и продовольственных» бедствий («it is in the common interest to achieve the optimum level of whale stocks as rapidly as possible without causing wide-spread economic and nutritional distress»). Конвенция 1946 г. нацеливает на создание системы международного регулирования китобойного промысла для обеспечения надлежащего и эффективного сохранения китовых запасов, их воспроизводства. Включение в преамбулу Конвенции 1946 г. цели устойчивого развития несомненно влияет на толкование и применение этого международного договора; то есть толковать и применять Конвенцию 1946 г. необходимо в контексте этой цели и объекта договора (запасов китов). Исходя из п. 2 ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., для толкования Конвенции 1946 г. её цель – обеспечение устойчивости популяций китов – включена в «контекст договора» и рассматривается как юридическое обязательство. Этот подход к толкованию и применению Конвенции 1946 г. был подтверждён Международным Судом ООН в деле «Китобойный промысел в Антарктике»¹⁹.

Конвенционные выражения «надлежащее и эффективное сохранение» («proper and effective conservation») запасов китов, наличие «общего интереса» государств в развитии рациональных китобойных промыслов, забота о «будущих поколениях» прибрежных и иных общин, традиционно занимающихся этими промыслами, являются составляющими правового понятия «устойчивое развитие» в его современном содержании. Эти составляющие данного понятия отражены не только в преамбуле Конвен-

ции 1946 г.; ими пронизаны и иные положения её статей, например о «сохранении и развитии китобойного промысла и его продуктов» («the conservation and development of whale fisheries and the products arising therefrom» – п. 6 ст. III); о «сохранении, развитии и наилучшем использовании китового поголовья» («the conservation, development, and optimum utilization of the whale resources» – п. 2 ст. V). Следует упомянуть, что в ежегодно обновляемом приложении к Конвенции 1946 г. («Schedule to the Convention») китовые запасы классифицируются по трем категориям в соответствии с рекомендациями научного комитета. В частности, одной из них является «a sustained management stock» («устойчиво управляемый китовый запас»). Этот термин означает, что запас китов остаётся на стабильном уровне в течение значительного периода времени («a stable level for a considerable period») при строго регулируемом изъятии из него, причём этот запас не должен быть более чем на 10 % ниже уровня запаса максимального устойчивого вылова («maximum sustainable yield») и не более чем на 20 % превышать его [Вылегжанин 2001: 172-173]²⁰. То есть речь идёт о юридических мерах, нацеленных на поддержание устойчивости популяции, недопущение её сокращения и контроле её численности. Впоследствии термин «максимальный устойчивый вылов» стал использоваться и в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (далее также – Конвенция 1982 г.).

В таком контексте можно утверждать, что Конвенция 1946 г. раньше, чем «Доклад Брундтланд» 1987 г., предусмотрела положения об устойчивом развитии, хотя в формулировках, далёких от совершенства. Но Доклад 1987 г. заложил основу для последующего (терминологически более чётко выраженного) оформления международно-правового понятия устойчивого развития, для привнесения этого понятия в международное правосознание²¹.

(2) Универсальным международным морским договором, в котором можно также обнаружить некие правовые составляющие

¹⁹ International Court of Justice: Whaling in the Antarctic (Australia v. Japan: New Zealand intervening). Judgment of 31 March 2014. Para. 57. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/148/148-20140331-JUD-01-00-EN.pdf> (accessed 02.03.2022).

²⁰ Подробнее о договорно-правовом понятии «максимальный устойчивый вылов» см. также: *Международное морское право: учебное пособие*. Под ред. С.А. Гуреева. М.: Юридическая литература. 2003. С. 350-351.

²¹ Именно после публикации Доклада 1987 г. термин «устойчивое развитие» стал часто использоваться в средствах массовой информации, в речах политических деятелей, в том числе предвыборных.

устойчивого развития, является **Конвенция о рыболовстве и охране живых ресурсов открытого моря 1958 г.** В преамбуле этого международного договора обозначена проблема чрезмерной эксплуатации морских живых ресурсов. Для их сохранения («conservation») необходимы согласованные действия заинтересованных государств. В статье 2 Конвенции 1958 г. термин «сохранение живых ресурсов открытого моря» («conservation of the living resources of the high seas») определяется как совокупность мер, делающих возможной «оптимальную устойчивую добычу» («the optimum sustainable yield») этих ресурсов с тем, чтобы обеспечить людям максимальное предложение морепродуктов.

Отметим, что в данной конвенции уже отчётливо прослеживается не только сочетание экологических и экономических интересов, но и социальный компонент устойчивого развития, стремление найти баланс между первоочередной необходимостью удовлетворения продовольственных потребностей человека; поддержанием морехозяйственного бизнеса; сохранением живых ресурсов мирового океана для будущих поколений.

(3) В соответствии с **Конвенцией о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение, главным образом, в качестве местобитаний водоплавающих птиц 1971 г.**, «под водно-болотными угодьями понимаются районы болот, фенот, торфяных угодий или водоёмов – естественных или искусственных, постоянных или временных, стоячих или проточных, пресных, солоноватых или солёных, включая морские акватории, глубина которых при отливе не превышает шести метров» (ст. 1). Согласно п. 6 ст. 2 этой конвенции, государства-участники должны руководствоваться «осознанием своей международной ответственности за сохранение, управление и рациональное использование ресурсов мигрирующих водоплавающих птиц» («the conservation, management and wise use»). В п. 1 ст. 3 стороны Конвенции 1971 г. предусмотрено обязательство сторон «осуществлять планирование таким образом,

чтобы способствовать сохранению водно-болотных угодий» («to promote the conservation of the wetlands»), а также их «разумному использованию» («the wise use»). Совокупность конвенционных предписаний о «сохранении», «управлении» и «разумном использовании» названных ресурсов воплощают реализацию задачи их устойчивого развития, в то время ещё не сформулированного в качестве договорно-правового принципа. Следует признать вместе с тем значимость того акцента, который сделан в преамбуле Рамсарской конвенции 1971 г., на «большом экономическом, культурном и рекреационном значении» водно-болотных угодий, «потеря которого была бы непоправимой» («the loss of which would be irreparable»). В более поздних международных договорах, содержащих положения об устойчивом развитии, подобная формулировка о ценности того или иного природного ресурса становится распространённой. Перечень подобных «ценностей» в ряде договоров расширяется, однако всё так же они нацелены на достижение устойчивого развития²².

(4) В **Конвенции по предотвращению загрязнения моря сбросами отходов и других материалов 1972 г.** подчёркивается, что «все люди заинтересованы в обеспечении управления» морской средой таким образом, чтобы «её качество и ресурсы не ухудшались». При этом отмечается значимость применения государствами «наиболее практически осуществимых средств для предупреждения загрязнения» и такого развития технологических процессов, которое поможет снизить количество вредных отходов. В ст. I Конвенции 1972 г. устанавливается обязанность сторон проводить мероприятия по предотвращению и защите морской среды от загрязнения, а также принимать эффективные меры контроля за его источниками. В принятом в **1996 г. Протоколе об изменении Конвенции по предотвращению загрязнения моря сбросами отходов и других материалов 1972 г.** развиваются правовые механизмы, заложенные в самой Конвенции, с акцентом на «устойчивости» развития, при более чёткой

²² Например, в **Конвенции по предотвращению загрязнения моря сбросами отходов и других материалов 1972 г.** используется формулировка «жизненное значение для человечества». В **Боннской конвенции по сохранению мигрирующих видов диких животных 1979 г.** отмечено «растущее значение диких животных с точки зрения окружающей среды, экологии, генетики, науки, эстетики, отдыха, культуры и воспитания, а также с социальной и экономической точек зрения».

фиксации содержания понятия устойчивого развития: «необходимость защиты морской среды и содействия устойчивому использованию и сохранению морских ресурсов»; «защита и сохранение морской среды, а также управление деятельностью человека таким образом, чтобы морская экосистема продолжала поддерживать правомерные виды использования моря и отвечать потребностям нынешнего и будущего поколений». В ст. 2 Протокола указаны в качестве цели защита и сохранение морской среды от загрязнения; для достижения этой цели государства обязаны принимать всевозможные эффективные меры; среди них в ст. 3 обозначен, например, принцип «загрязняющий платит» (п. 2).

(5) В **Боннской конвенции по сохранению мигрирующих видов диких животных 1979 г.** не используется термин «устойчивое развитие», но конвенционные формулировки нацеливают на такое развитие. Например, в преамбуле Боннской конвенции говорится о том, что «дикие животные во всём их многообразии являются незаменимой частью природной системы Земли и должны сохраняться для блага человечества»; что «каждое поколение людей является хранителем природных ресурсов для будущих поколений и обязано обеспечить сохранность этого наследия – или там, где оно используется, – его разумное использование»; что «эффективное регулирование и сохранение мигрирующих видов диких животных требуют совместных действий всех государств». В статье I Конвенции 1979 г. даётся определение термину «статус сохранности» («conservation status») мигрирующего вида через характеристики «благоприятный» / «неблагоприятный», оцениваемые, исходя из жизнеспособности вида как части экосистемы, устойчивости его численности. При этом применен термин «разумное управление дикой природой» («wise wildlife management»), а в ст. V использовано понятие «разумных экологических принципов» («sound ecological principles»), на которых должны быть основаны меры государств по контролю и регулированию использования мигрирующих видов. В ст. ст. III и V Конвенции 1979 г. обозначены меры по управлению дикой природой: обязанность сторон Конвенции

«сохранять» («conserve») и «восстанавливать» («restore») места обитания; «предотвращать» («prevent»), «устранять» («remove»), «компенсировать» («compensate») или «сводить до минимума отрицательные последствия» человеческой деятельности («minimize the adverse effects of activities»); «предотвращать, уменьшать или контролировать» влияние негативных факторов («to prevent, reduce or control»).

(6) В **Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.** подчёркивается необходимость содействия использованию морей и океанов, «справедливому и эффективному использованию их ресурсов, сохранению их живых ресурсов, изучению, защите и сохранению морской среды» (Преамбула). При этом обращается внимание на те блага, которые могут стать результатом устойчивого развития: «достижение этих целей будет способствовать установлению справедливого и равноправного международного экономического порядка, при котором будут учитываться интересы и потребности всего человечества, и в частности особые интересы и потребности развивающихся стран»; «содействовать экономическому и социальному прогрессу всех народов мира». Согласно ст. 61 («Сохранение живых ресурсов») Конвенции 1982 г. установлена обязанность государств на основе научных данных «обеспечивать путем надлежащих мер по сохранению и управлению, чтобы состояние живых ресурсов в исключительной экономической зоне не подвергалось опасности в результате чрезмерной эксплуатации» (п. 2). В п. 3 этой статьи указано, что необходимо поддерживать или восстанавливать «популяции вылавливаемых видов на уровнях или до уровней, при которых может быть обеспечен максимальный устойчивый вылов²³, определяемый с учётом соответствующих экологических и экономических факторов, включая экономические нужды прибрежных рыболовецких общин и особые потребности развивающихся государств». Схожие формулировки используются в п. 1 ст. 119 («Сохранение живых ресурсов открытого моря»), хотя, понятно, при различии правовых механизмов управления морскими биоресурсами в открытом море и в исключительной экономической зоне.

²³ О юридическом содержании конвенционного термина «максимальный устойчивый вылов» см., например: [Вылегжанин 2001:172].

Цитированные конвенционные положения, помимо цели поддержания устойчивости вылова, подразумевают учёт и поиск баланса между соответствующими экологическими, экономическими и социальными факторами. В п. 1 ст. 62 Конвенции 1982 г. (об использовании живых ресурсов) говорится о «цели оптимального использования живых ресурсов исключительной экономической зоны» («the objective of optimum utilization»). В соответствии со ст. 145 Конвенции 1982 г. «в отношении деятельности в Районе²⁴ принимаются меры, необходимые для обеспечения эффективной защиты морской среды от вредных для неё последствий, которые могут возникнуть в результате такой деятельности», в частности, для «предотвращения, сокращения и сохранения под контролем загрязнения морской среды и других опасностей для неё, в том числе побережья, и предотвращения нарушения экологического равновесия морской среды»²⁵. Этот поиск баланса между потребностями (порой состязательными) экономического, социального и экологического порядка, пронизывает и иные статьи Конвенции 1982 г., в которых отражена цель устойчивого развития. Особенно показательна в этом плане ст. 150 («Политика в отношении деятельности в Районе»), согласно которой необходимо «способствовать здоровому развитию мировой экономики и сбалансированному росту международной торговли и содействовать международному сотрудничеству для всестороннего развития всех стран». Обратим внимание на положения об «упорядоченном, безопасном и рациональном использовании ресурсов Района, включая эффективное проведение деятельности в Районе и в соответствии с разумными принципами сохранения ресурсов»; о «расширении возможностей участия в освоении ресурсов Района для всех государств-участников»; о «защите развивающихся государств от

отрицательных последствий для их экономики»; о разработке минеральных ресурсов Района «на благо всего человечества».

(7) В ст. 4 **Рамочной конвенции ООН об изменении климата 1992 г.** содержится обязательство содействовать устойчивому управлению, а также «рациональному использованию поглотителей и накопителей всех парниковых газов», не являющихся объектом Монреальского протокола. В статье 4 использован термин «содействие устойчивому управлению» как отражающий обязательство государств-участников конвенции; в англоязычном тексте этого международного договора использован модальный глагол «*shall*», передающий именно долженствование.

(8) В преамбуле **Парижского соглашения 2015 г.**, заключённого участниками Рамочной конвенции ООН об изменении климата 1992 г., отмечается «важность обеспечения целостности всех экосистем, включая океаны» («the importance of ensuring the integrity of all ecosystems, including oceans»).

(9) Согласно ст. 2 **Конвенции о биологическом разнообразии 1992 г.**, её ключевое понятие – «биологическое разнообразие» – определено как «вариабельность живых организмов из всех источников, включая, среди прочего, наземные, морские и иные водные экосистемы и экологические комплексы, частью которых они являются»; это понятие, по смыслу конвенции, включает в себя разнообразие «в рамках вида, между видами и разнообразие экосистем». В соответствии с п. 2 ст. 22 в том, что касается морской среды, государства-участники «осуществляют положения настоящей Конвенции, не вступая в противоречие с правами и обязанностями государств, предусмотренными морским правом». То есть нормы морского права рассматриваются как *lex specialis*. В Конвенции 1992 г. используется термин «устойчивое раз-

²⁴ Имеется в виду «Международный район морского дна», границы которого могут быть установлены, если все прибрежные государства осуществят отграничение от него своего континентального шельфа в том порядке, который предусмотрен статьёй 76 Конвенции 1982 г. Пока такая перспектива маловероятна хотя бы потому, что ряд государств, в том числе США, не являются участниками Конвенции 1982 г. Кроме того, в международном праве нет механизма препятствия созданию не участвующими в Конвенции 1982 г. государствами режима использования минеральных ресурсов за пределами континентального шельфа вне того громоздкого, весьма бюрократизированного механизма, который создан Конвенцией 1982 г. и Соглашением 1994 г. о применении её Части XI. См. подробнее: Вылегжанин А.Н., Саваськов П.В. Международное морское право. – *Международное право. В 2-х частях. Часть 2*. Отв. ред. А.Н. Вылегжанин. 4-е изд. М.: Юрайт. 2021. С. 231-232.

²⁵ См. также ст. 207 («Загрязнение из находящихся на суше источников»), 234 («Покрываемые льдом районы») Конвенции 1982 г.

вие»; присутствуют и иные термины, формулировки, отражающие понятие устойчивого развития. Прежде всего необходимо отметить, что в ст. 1 в качестве цели данной Конвенции указано «устойчивое использование компонентов биологического разнообразия». Обращает на себя внимание конвенционное определение понятия «устойчивое использование»; согласно ст. 2 – это «использование компонентов биологического разнообразия таким образом и такими темпами, которые не приводят в долгосрочной перспективе к истощению биологического разнообразия, тем самым сохраняя его способность удовлетворять потребности нынешнего и будущих поколений». Здесь, как видим, используется формулировка, схожая с определением понятия «устойчивое развитие» в Докладе 1987 г. Представляется важным отметить, однако, установление Конвенцией 1992 г. ряда конкретных обязанностей государств-участников: 1) в ст. ст. 6, 10 – обязанности интегрировать меры по устойчивому использованию биоразнообразия в национальные программы и планы; 2) в ст. 8 – обязанности «поощрять экологически обоснованное и устойчивое развитие в районах, прилегающих к охраняемым районам»; 3) в ст. 5 – обязанности сотрудничества «в целях сохранения и устойчивого использования биологического разнообразия». С точки зрения определения юридического содержания понятия устойчивого развития интересна также статья 11 («Меры стимулирования»). В ней нашли отражение три отмеченные выше компонента устойчивого развития, причем в динамике взаимодействия между собой. Государства-участники Конвенции 1992 г. обязаны принимать «оправданные с экономической и социальной точек зрения меры, стимулирующие сохранение и устойчивое использование компонентов биологического разнообразия». Предусмотрены Конвенцией 1992 г. и положения о приоритетности социально-экономического развития; об устранении бедности в развивающихся странах (преамбула, ст. 20); об осведомлённости общественности (ст. 13); о передаче технологий (ст. 16); о распределении выгод от их использования, в том числе биотехнологий (ст. 19); об обмене информацией (ст. 17); о техническом и научном сотрудничестве (ст. 18).

(10) В статьях **Соглашения о содействии соблюдению рыболовными судами в открытом море международных мер по сохранению**

живых ресурсов и управлению ими 1993 г. отсутствуют ссылки непосредственно на термин «устойчивое развитие». В преамбуле Соглашения, однако, выражена приверженность следовать «Повестке дня на XXI век», в том числе обязательству обеспечивать «сохранение и устойчивое использование живых ресурсов открытого моря».

(11) **Соглашение об осуществлении положений Конвенции ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 года, которые касаются сохранения трансграничных рыбных запасов и запасов далеко мигрирующих рыб и управления ими 1995 г.** (далее – Соглашение 1995 г.) предусматривает в ст. 5 («Общие принципы») обязательства государств, в частности, «принимать меры к тому, чтобы обеспечить долгосрочную устойчивость трансграничных рыбных запасов и запасов далеко мигрирующих рыб и содействовать цели их оптимального использования» (п. а); а также «оценивать воздействие рыболовства, прочих видов человеческой деятельности и экологических факторов на запасы и виды» (п. d). В ст. 6 указано, что при применении принципа предосторожности должны приниматься во внимание «существующие и прогнозируемые океанические, естественно-природные и социально-экономические условия». Тем самым в Соглашении 1995 г. также обозначена, в контексте обеспечения устойчивости данных запасов, взаимосвязь экономических, экологических и социальных факторов.

(12) В ст. 5 **Конвенции о праве несудоходных видов использования международных водотоков 1997 г.** установлен принцип использования государствами международного водотока «справедливым и разумным образом», с целью достижения его «оптимального и устойчивого использования» и получения «связанных с этим выгод, с учётом интересов соответствующих государств водотока, при надлежащей защите водотока». В ст. 24 раскрывается содержание понятия «управление» («management») международным водотоком; это означает, во-первых, «планирование устойчивого освоения международного водотока и обеспечение осуществления любых принятых планов» («planning the sustainable development of an international watercourse») и, во-вторых, «иное содействие рациональному и оптимальному использованию и защите водотока и контролю за ним» («otherwise promoting the rational

and optimal utilization, protection and control of the watercourse»).

(13) Целью **Соглашения о мерах государства порта по предупреждению, сдерживанию и ликвидации незаконного, несообщаемого и нерегулируемого промысла 2009 г.**²⁶ обозначены предотвращение, сдерживание и ликвидация ННН-промысла «путём применения эффективных мер государства порта и, таким образом, обеспечение долгосрочного сохранения и устойчивого использования живых морских ресурсов и морских экосистем» (ст. 2). То есть в данном случае меры предупреждения ННН-промысла рассматриваются как средства достижения устойчивого развития.

Исходя из изложенного, можно предложить следующий подход к пониманию содержания приведённых конвенционных положений. Они свидетельствуют о формировании принципа устойчивого развития, который следует рассматривать не обособленно от иных природоохранных, природоресурсных договорных предписаний, а толковать как широкий принцип, выраженный договорными положениями, способствующими устойчивости окружающей среды, её экосистем, в том числе природных ресурсов, а также устойчивости сложившегося характера экономического развития населения. Один только экологический компонент принципа «устойчивого развития» включает в себя как минимум триаду мер по предупреждению негативных факторов («prevention»); уменьшению их влияния («reduction») и мер контроля за состоянием окружающей среды («control»)²⁷.

3.2. Примеры региональных договорно-правовых механизмов устойчивого развития

Региональных международных документов в сфере морского права, нацеленных на

устойчивое развитие, ещё больше, чем универсальных; это следует из обзора региональных морских и природоохранных конвенций, а также соответствующих им планов действий²⁸. Например, ещё в 1952 г. между Перу, Чили и Эквадором было заключено **Соглашение, касающееся организации Постоянной комиссии Конференции по эксплуатации и сохранению морских ресурсов южной части Тихого океана**²⁹. Само использование в Соглашении 1952 г. термина «оптимальное развитие» («optimum development»), наряду с термином «сохранение», а также договорные меры по «защите, охране, сохранению и развитию» морских ресурсов (п. 3) свидетельствуют о стремлении государств-участников воплотить в жизнь некую идею оптимального развития, при котором гармонизируются цели охраны морской среды и промышленного освоения морских ресурсов.

Другим убедительным примером использования в региональных договорных механизмах до 1987 г. понятия устойчивого развития является **Соглашение АСЕАН о сохранении природы и природных ресурсов 1985 г.**³⁰. Так, в преамбуле, ст. ст. 1, 3, 4, 6, 9, 12, 16 данного Соглашения используются словосочетания «sustainability of development» («устойчивость развития»); «management compatible with sustainable development» («управление, совместимое с устойчивым развитием»); «the goal of sustainable development» («цель устойчивого развития»); «conservation measures and their relationship with sustainable development objectives» («меры по сохранению природы и их взаимосвязь с целями устойчивого развития»); «sustainable utilization», «sustainable use» («устойчивое использование»); «optimum sustainable land use» («оптимальное устойчивое землепользование»).

²⁶ Последнее словосочетание передаётся часто аббревиатурой «ННН-промысел».

²⁷ Например, в ст. 207 Конвенции 1982 г. эта триада дополняется декларируемой необходимостью содействовать экономическому развитию развивающихся государств; эта же триада отражена в п. 2 ст. 5 Бухарестской конвенции о защите Черного моря от загрязнения 1992 г.

²⁸ Regional Seas Conventions and Action Plans (RSCAPs). URL: <https://www.unep.org/ru/issleduyte-temy/okeyany-i-morya/nasha-deyatelnost/programma-regionalnykh-morey> (accessed 20.04.2022).

²⁹ Географически, а также судя по государствам-участникам этого и иных региональных соглашений аналогичного типа, мы бы отнесли его к группе договоров, касающихся юго-восточной части Тихого океана (*South-East Pacific Region*). Permanent Commission of South Pacific. URL: https://www.unep.org/explore-topics/oceans-seas/what-we-do/working-regional-seas/regional-seas-programmes/south-east?_ga=2.182598374.1599707732.1648410010-1467993082.1648052064 (accessed 21.04.2022).

³⁰ См. подробнее: Нгуен К.Т. Международно-правовая защита окружающей среды в рамках ассоциации государств Юго-Восточной Азии. Дисс. ... канд. юрид. наук. Москва. 2013. § 2.2.

Ниже рассмотрим положения, отражающие цель устойчивого развития, предусмотренные в тех международных договорах регионального уровня, которые особенно значимы для экономических, социальных и природоохранных интересов Российской Федерации: на Балтике; в Каспийском; Черноморском; Северотихоокеанском; Антарктическом регионах. В этих морских регионах высокая интенсивность экономической деятельности, в том числе природоресурсной, создаёт экологические вызовы будущим национальным интересам России, прежде всего, как прибрежного государства, а в случае с Антарктикой – как государства с особыми, исторически сложившимися интересами в этом регионе. Арктический регион, ввиду специфики его статуса³¹, требует отдельного исследования и в настоящей статье не рассматривается.

3.2.1. Балтийский регион

В регионе Балтийского моря следует обратить внимание в первую очередь на **Хельсинкскую конвенцию по защите морской среды района Балтийского моря 1992 г.** (заменявшую одноимённую конвенцию 1974 г.), участниками которой являются Германия, Дания, ЕС, Латвия, Литва, Польша, Россия, Финляндия, Швеция, Эстония. В преамбуле Конвенции 1992 г. признаётся «историческая и современная экономическая, социальная и культурная ценность района Балтийского моря для благополучия и развития народов этого региона», что, как уже отмечалось выше, подтверждает наличие так называемого «культурного компонента» в понятии устойчивого развития. Кроме того, в качестве задач определены «защита и улучшение состояния морской среды» Балтийского моря, эффективное решение которых возможно при применении принципа сотрудничества государств. В ст. 3 Конвенции среди принципов и обязательств обозначен принцип предосторожности (пп. 1-3), применение которого имеет целью «экологическое восстановление («ecological restoration») района Балтийского моря и сохранение его экологического равновесия («preservation of its ecological balance»)). При этом должны использоваться

наилучшие экологические практика и технологии, научно обоснованные методы. В п. 4 ст. 3 зафиксирован принцип «загрязняющий платит» («the polluter-pays principle»); п. 6 ст. 3 нацеливает на недопустимость трансграничного загрязнения. Эта обязанность непосредственно коррелирует с принципом международного экологического права – не причинять ущерб окружающей среде за пределами их юрисдикции. Последний нашёл закрепление в том числе в п. 2 ст. 194 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.

В ст. 15 Хельсинской конвенции (о сохранении природы и биоразнообразия) установлено обязательство сторон принимать все необходимые меры для «обеспечения устойчивого использования («sustainable use») природных ресурсов района Балтийского моря». То есть Конвенция 1992 г. также является примером договорного установления обязательств, нацеленных на поддержание устойчивого развития. Кроме того, данный международный договор показывает взаимодействие принципа устойчивого развития с иными международно-правовыми принципами.

3.2.2. Каспийский регион

В преамбуле **Рамочной конвенции по защите морской среды Каспийского моря 2003 г.**, заключённой Азербайджаном, Ираном, Казахстаном, Россией и Туркменистаном, отражена забота о нынешнем и будущих поколениях, проявляемая в данном случае применительно к сохранению экологического комплекса Каспийского моря. В ст. 1 термин «План действий» сфокусирован на устойчивом развитии и защите морской среды Каспийского моря. В ст. 2 обозначена цель этого договора: прежде всего, «защита, сохранение, восстановление, устойчивое и рациональное использование» биологических ресурсов Каспийского моря.

В ст. 14 Конвенции 2003 г. раскрываются способы достижения поставленной цели и, соответственно, закрепляются конкретные обязанности сторон, в частности, принимать меры по «развитию и повышению потенциала биологических ресурсов с целью сохранения и восстановления экологического равновесия³² при

³¹ См. об этом аналитический доклад МГИМО, подготовленный в рамках программы «Приоритет 2030»: [Вылегжанин и др. 2021:50-51].

³² В тексте Рамочной конвенции на английском языке использован ещё один термин в данной формулировке: «conservation, restoration and *rational use* of environmental equilibrium», то есть (при буквальном переводе) «сохранение,

удовлетворении потребности людей в питании и достижении социальных и экономических целей» (п. 1 ст. 14). Как и в большинстве международных конвенций, затрагивающих вопросы охраны морской среды, в ст. 14 Рамочной конвенции 2003 г. также применяется механизм установления «максимально устойчивого объёма добычи» («maximum sustainable yield») морских видов, который учитывает соответствующие экологические и экономические факторы. Таким образом, здесь принцип устойчивого развития проявляет себя во всех трёх ранее обозначенных измерениях: экономическом, природоохранном, социальном.

Из четырёх согласованных к настоящему времени протоколов к Рамочной конвенции 2003 г. для целей настоящей статьи представляют наибольший интерес следующие три (хотя и не вступившие пока в силу). В преамбуле **Протокола по защите Каспийского моря от загрязнения из наземных источников и в результате осуществляемой на суше деятельности 2012 г.**³³ защита и сохранение морской среды, а также устойчивое использование природных ресурсов Каспийского моря при удовлетворении на справедливой основе потребностей нынешнего и будущих поколений определяются как «неотъемлемая составляющая процесса развития». Среди общих обязательств в п. 1 ст. 4 Протокола 2012 г. находят закрепление мероприятия в рамках экологического компонента устойчивого развития (предотвращение; контроль; снижение / устранение неблагоприятного воздействия на морскую среду). Согласно п. 2 ст. 4 стороны обязаны применять принцип предосторожности; согласно ст. 4 – принцип «загрязняющий платит». Ст. 4 предусматривает также обязанность государств-участников «содействовать устойчивому развитию прибрежных районов посредством комплексного подхода» и положение о природоохранном сотрудничестве. Отметим, что, исходя из общего смысла статьи 4, перечисленные выше договор-

ные нормы (о контроле; о предосторожности и т. д.) юридически не соподчинены друг другу. Но все они устанавливают юридические обязательства государств-участников.

Протокол о сохранении биологического разнообразия 2014 г.³⁴ примечателен наличием в ст. 1 определения термина «устойчивое использование» («sustainable use»), которое в основном повторяет формулировку, определяющую содержание устойчивого развития согласно Докладу 1987 г., а именно: «использование компонентов биологического разнообразия таким образом и такими темпами, которые в долгосрочной перспективе не приводят к истощению биологического разнообразия, тем самым сохраняя его способность удовлетворять потребности нынешнего и будущих поколений и отвечая их чаяниям». То есть делается акцент, во-первых, на долгосрочной устойчивости, жизнеспособности живых ресурсов Каспия и, во-вторых, на их фактической и потенциальной способности удовлетворять человеческие потребности не только в настоящее время, но и в будущем. В ст. 2, где сформулированы цели Протокола, «обеспечение устойчивого использования биологических ресурсов» рассматривается в качестве и цели, и контекста, в котором осуществляются мероприятия по сохранению экосистемы Каспия. Контекст, цель и необходимость устойчивого развития лежат в основе общих обязательств (ст. 5). Согласно этой статье, отраслевые стратегии и планы действий должны соответствовать «принципам сохранения биологического разнообразия и устойчивого и рационального использования биологических ресурсов». Такой подход к формулированию правовых норм об устойчивом развитии, в свою очередь, подразумевает сотрудничество в этой сфере (ст. 16), в том числе при обмене информацией (ст. 17), а также повышение осведомлённости общественности (ст. 18).

В преамбуле **Протокола по оценке воздействия на окружающую среду**³⁵ в трансгранич-

восстановление и рациональное использование экологического равновесия». Русский текст этого конвенционного положения выглядит, конечно, юридически совершеннее, нежели буквальный перевод.

³³ Протокол по защите Каспийского моря от загрязнения из наземных источников и в результате осуществляемой на суше деятельности от 12 декабря 2012 г. Доступ: <https://tehranconvention.org/ru/tc/protocols> (дата обращения: 12.03.2022).

³⁴ Протокол о сохранении биологического разнообразия от 30 мая 2014 г. Доступ: <https://tehranconvention.org/ru/tc/protocols> (дата обращения: 12.03.2022).

³⁵ Далее также – ОВОС.

ном контексте 2018 г.³⁶ указано, что применение ОВОС на ранней стадии планирования той или иной деятельности «способствует реализации принципов устойчивого развития».

В целом, анализ названных договорно-правовых актов, применимых к Каспийскому морю, подтверждает вывод о широком толковании содержания понятия «устойчивое развитие» как включающем в себя ряд специальных природоохранных, экономико-ориентированных и социально-ориентированных норм.

3.2.3. Черноморский регион

С точки зрения анализа норм об устойчивом развитии в международных договорах, применимых к окружающей среде Чёрного моря, интерес представляет, прежде всего, принятая в 1992 г. Бухарестская конвенция о защите Чёрного моря от загрязнения³⁷, а также протоколы к ней. Среди отличительных характеристик Бухарестской конвенции следует упомянуть способ выражения компонентов устойчивого развития: в преамбуле, помимо общепотребимой договорной клаузулы об экономическом и социальном значении, обращено внимание на «целебные свойства» («health values») морской среды Чёрного моря. Кроме того, принимаются во внимание «принципы, обычаи и нормы общего международного права, регулирующие защиту и сохранение морской среды», а также природных живых ресурсов. В ст. 5 Конвенции 1992 г. среди обязательств государств-участников названо принятие мер для защиты и сохранения морской среды Чёрного моря, а также для предотвращения, сокращения её загрязнения, а также контроля над уровнем и последствиями загрязнения. В этой норме находит отражение, во-первых, принцип предосторожности и, во-вторых, уже упомянутая триада мер («prevention + reduction + control»). Эти положения подтверждены в ст. 1 принято-

го (одновременно с Бухарестской конвенцией) **Протокола 1992 г. о защите морской среды Чёрного моря от загрязнения из источников, находящихся на суше**³⁸.

Россия не является участником **Протокола о сохранении биоразнообразия и ландшафтов Чёрного моря 2002 г.** Ратифицировали его пока четыре государства из пяти участвовавших в его разработке: Болгария, Грузия, Турция, Украина. Но тщательное изучение положений Протокола 2002 г. в контексте рассматриваемой темы представляется полезным. В Протоколе выражена приверженность согласованной обязанности сторон защищать, сохранять, улучшать и управлять биологическим и ландшафтным разнообразием Чёрного моря, «природными, историческими, культурными и эстетическими ресурсами и наследием черноморских государств для нынешнего и будущих поколений», причем, как уточнено, «устойчивым и экологически безопасным образом» (ст. 1; ст. 4). Предусмотрено обязательство государств-участников обеспечивать целостность, устойчивость и развитие охраняемых территорий. Сочетание экологического компонента с экономическим отражено в ст. 4, согласно которой государства обязаны обеспечить «устойчивое использование видов, имеющих экономическое значение», а также в ст. 7, где содержится положение о необходимости содействия «экологически безопасной человеческой деятельности в прибрежной зоне».

Что касается **Протокола по защите морской среды Чёрного моря от наземных источников и в результате осуществляемой на суше деятельности 2009 г.**³⁹, который подписан всеми шестью участниками Бухарестской конвенции, то в нём, в контексте настоящей статьи, представляет интерес, прежде всего, преамбула. В ней рациональное использование ресурсов, защита и сохранение природной среды опреде-

³⁶ Протокол по оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте от 20 июля 2018 г. Доступ: <https://tehranconvention.org/ru/tc/protocols> (дата обращения: 12.03.2022).

³⁷ Convention on the Protection of the Black Sea against Pollution of 21 April 1992. URL: <https://www.ecolex.org/details/treaty/convention-on-the-protection-of-the-black-sea-against-pollution-tre-001149/> (accessed 12.03.2022). В Конвенции 1992 г. участвуют Болгария, Грузия, Российская Федерация, Румыния, Турция, Украина.

³⁸ Protocol on the Protection of the Black Sea Marine Environment against Pollution from Land-Based Sources of 21 April 1992. URL: <https://www.ecolex.org/details/treaty/protocol-on-the-protection-of-the-black-sea-marine-environment-against-pollution-from-land-based-sources-tre-001392/> (accessed 12.03.2022).

³⁹ Protocol on the Protection of the Marine Environment of the Black Sea From Land Based Sources and Activities of 7 April 2009. URL: <https://www.ecolex.org/details/treaty/protocol-on-the-protection-of-the-marine-environment-of-the-black-sea-from-land-based-sources-and-activities-tre-154598/> (accessed 12.03.2022).

лены как «неотъемлемая часть процесса устойчивого развития» региона, направленного на «удовлетворение на справедливой основе потребностей нынешнего и будущих поколений». Это близко к формулировке, использованной в преамбуле **Протокола по защите Каспийского моря от загрязнения из наземных источников и в результате осуществляемой на суше деятельности 2012 г.**, анализ которого был представлен ранее.

3.2.4. Северитихоокеанский регион

В статье III **Конвенции об Организации по морским исследованиям в северной части Тихого океана 1990 г.**⁴⁰ целью Организации названо, *inter alia*, проведение научных исследований «в отношении морской среды и её взаимодействий с сушей и атмосферой, её роли и реакции на изменения мировой погоды и климата, её флоры, фауны и экосистем, её использования и ресурсов, и влияния на неё человеческой деятельности». По сути, речь идёт о научном сопровождении поддержания устойчивого баланса экологических и экономических интересов государств, прибрежных к данному морскому региону.

В преамбуле **Конвенции о сохранении запасов анадромных видов в северной части Тихого океана 1992 г.**⁴¹ предусмотрено, что государства происхождения этих запасов «отказываются от возможностей экономического развития в целях установления благоприятных условий для сохранения этих запасов и управления ими». Для этого стороны координируют свои усилия и создают эффективный механизм международного сотрудничества.

В статье II **Конвенции о сохранении ресурсов минтая и управлении ими в центральной части Берингова моря 1994 г.**⁴² в качестве целей международного договора обозначены

«установление международного режима сохранения ресурсов минтая, управления ими и их оптимального использования»; «восстановление и поддержание ресурсов минтая в Беринговом море на уровнях, при которых может быть обеспечен их максимально устойчивый вылов»; «сотрудничество в сборе и изучении фактической информации». То есть устойчивость ресурсов минтая обеспечивается совокупностью мер по рациональному управлению ими, что включает в себя сохранение и оптимальное использование.

В преамбуле **Конвенции о сохранении и управлении рыбными ресурсами в открытом море северной части Тихого океана 2012 г.**⁴³ отмечено, что государства-участники обязуются «обеспечивать долгосрочное сохранение и устойчивое использование рыбных ресурсов северной части Тихого океана» и «охранять морские экосистемы, в которых эти ресурсы встречаются». Это заявлено и целью Конвенции 2012 г. (статья 2). Согласно статье 3, применимыми правовыми принципами являются «содействие оптимальному использованию и обеспечение долгосрочной устойчивости рыбных ресурсов»; поддержание рыбных ресурсов «на уровнях, при которых может быть обеспечен их максимальный устойчивый вылов»; обеспечение соответствия объёмов рыбного промысла уровню устойчивого использования ресурсов без чрезмерной эксплуатации и на основании наиболее достоверной имеющейся научной информации. Кроме того, в той же статье установлена необходимость проведения предварительной оценки воздействия рыболовной деятельности на «долгосрочную устойчивость рыбных ресурсов и установления того, что такая деятельность не окажет значительного негативного воздействия на уязвимые морские экосистемы». То есть положения дан-

⁴⁰ Конвенция об Организации по морским наукам в северной части Тихого океана от 12 декабря 1990 г. Доступ: https://lawrussia.ru/texts/legal_310/doc310a558x582.htm (дата обращения: 12.05.2022). Россия присоединилась к ней 16 декабря 1994 г.

⁴¹ Конвенция о сохранении запасов анадромных видов в северной части Тихого океана от 11 февраля 1992 г. – *Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»*. Доступ: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=15382#Xiq3mLTzZA2kvvXB> (дата обращения: 12.05.2022). Россия участвует в конвенции.

⁴² Конвенция о сохранении ресурсов минтая и управлении ими в центральной части Берингова моря от 16 июня 1994 г. – *Справочно-правовая система Гарант*. Доступ: <https://base.garant.ru/2555840/> (дата обращения: 12.05.2022). Россия участвует в этой конвенции.

⁴³ Конвенция о сохранении и управлении рыбными ресурсами в открытом море северной части Тихого океана от 24 февраля 2012 г. Доступ: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201507290036?index=20&rangeSize=20> (дата обращения: 12.05.2022). Россия участвует в конвенции.

ной конвенции направлены на долгосрочное, устойчивое использование живых ресурсов районов открытого моря Северотихоокеанского региона при сохранении их экологических комплексов.

3.2.5. Антарктический регион

Положения **Конвенции о сохранении тюленей Антарктики 1972 г.**⁴⁴ направлены на содействие защите, сохранению, научному изучению, рациональному и гуманному использованию («rational and humane use») тюленей Антарктики, а также на поддержание устойчивого баланса в экологической системе Антарктики (преамбула, ст. 3). В преамбуле Конвенции 1972 г. предусмотрена необходимость такого регулирования промысла, при котором запасы тюленей Антарктики не подвергаются «истощению вследствие чрезмерной эксплуатации», а добыча не превышает «оптимально допустимого уровня» и поддерживается на шкале «оптимального устойчивого вылова» («optimum sustainable yield»).

В соответствии со ст. II **Конвенции о сохранении морских живых ресурсов Антарктики 1980 г.** (далее – Конвенция АНТКОМ)⁴⁵ термин «сохранение» включает в себя «рациональное использование». В этой же статье обозначено и обязательство о «предотвращении изменений или сведение до минимума опасности изменений в морской экосистеме». Сформулирована цель – сделать возможным устойчивое сохранение («sustained conservation») морских живых ресурсов Антарктики.

В **Мадридском протоколе (1991 г.) об охране окружающей среды**⁴⁶ к **Договору об Антарктике 1959 г.** (далее – Протокол 1991 г.) тоже отражены идеи устойчивого развития, хотя и не используется сам этот термин. Так, в преамбуле Протокола 1991 г. констатируется наличие общего интереса человечества в «разработ-

ке всеобъемлющего режима охраны окружающей среды Антарктики и зависящих от неё и связанных с ней экосистем». Это положение усиливается в ст. 3, где излагаются природоохранные принципы, подтверждающие статус Антарктики как особой природоохранной территории. Одним из таких принципов в п. 1 ст. 3 названа необходимость учёта при «планировании и осуществлении любой деятельности в районе действия Договора об Антарктике» неотъемлемых ценностных характеристик Антарктики, внутренне ей присущих («intrinsic value»), включая «первозданность природы и её эстетическую ценность», а также значимость этого региона для научных исследований. Названные правовые положения можно толковать как ориентирующие на достижение стабильного равновесия между различными компонентами понятия устойчивого развития. Вместе с тем в данном случае приоритет явно отдаётся экологическому измерению деятельности в Антарктике, которое «сканирует» заявленные экономические и социальные потребности, при необходимости их корректируя.

Таким образом, особенностью проанализированных международных договоров, применимых к конкретным регионам, является отражение в них основных содержательных элементов устойчивого развития (экономических, природоохранных, социальных), хотя и при разном их усилении путём вовлечения иных норм, например, об ОВОС, об экосистемном подходе, о механизмах предосторожности как средств достижения устойчивого развития. Как и по итогам анализа универсальных международных договоров, общий вывод состоит в том, что государства, заключившие такие региональные соглашения, обозначили клаузулы устойчивого развития как принятые юридические обязательства.

4. Резюме теоретических оценок

⁴⁴ Конвенция о сохранении тюленей Антарктики от 01 июня 1972 г. Доступ: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%201080/volume-1080-I-16529-Other.pdf> (дата обращения: 12.03.2022). Россия участвует в конвенции.

⁴⁵ CAMLR Convention of 20 May 1980. URL: <https://www.ccamlr.org/en/organisation/convention> (accessed 12.03.2022).. Россия участвует в Конвенции 1980 г.

⁴⁶ Protocol to the Antarctic Treaty on Environmental Protection of 4 October 1991. URL: <https://www.ecolex.org/details/treaty/protocol-to-the-antarctic-treaty-on-environmental-protection-tre-001120/> (accessed 12.03.2022). Россия является участником.

положений об устойчивом развитии, содержащихся в договорных источниках международного морского права

Представленный выше аналитический обзор тех положений об устойчивом развитии, которые предусмотрены действующими международными договорами в области морского права, достаточно показательно опровергают упомянутую позицию многих правоведов, рассматривающих феномен устойчивого развития лишь как обозначенные намерения государств, но не как международно-правовые нормы. Позволим себе предложить иное мнение: приведенные положения об устойчивом развитии уже обозначают права и обязательства, в том числе по созданию соответствующих международно-правовых механизмов. Это уже нормы международного морского, экологического права. Исходя из их анализа, а также при учёте соответствующих международно-правовых исследований предложим некий перечень тех элементов, которые раскрывают содержание норм об устойчивом развитии:

– общая заинтересованность человечества («common concern of humanity») в стабильном развитии мира; забота о будущих поколениях, обеспечение справедливого отношения к разным поколениям («inter-generational equity» [Duru, Viñuales 2018:88-90]); включение экологического измерения в процесс развития («integration of an environmental dimension into the development process»⁴⁷);

– эффективный, сбалансированный экономический рост; поддержание экосистемного баланса; устойчивое, справедливое использование природных ресурсов («sustainable and equitable use of natural resources»); защита и управление природоресурсной базой экономического и социального развития («protecting and managing the natural resource base of economic

and social development»)⁴⁸;

– устранение бедности, справедливое социальное развитие, интеграция и вовлечённость («poverty eradication, equitable social development and inclusion»); продуманная демографическая политика; учёт особых потребностей развивающихся государств; принцип общей, но дифференцированной ответственности («principle of common but differentiated responsibility») государств [Jiang 2016:169-184];

– изменение неустойчивых и продвижение устойчивых моделей потребления и производства («changing unsustainable and promoting sustainable patterns of consumption and production»); экосистемный подход («ecosystem-based approach»)⁴⁹;

– обмен научной, технической и технологической информацией; самими технологиями на справедливых началах, с учётом особых потребностей развивающихся государств (включая помощь в сфере образования и т. д.); сотрудничество в природоохранной, экономической, научно-технологической областях; обязанность не наносить ущерб окружающей среде в других государствах, а также в районах за пределами национальной юрисдикции («not to cause damage to the environment of other states or to areas beyond national jurisdiction»); принцип «загрязняющий платит» («polluter pays principle»); принцип предосторожности («precautionary approach»); осуществление оценки воздействия на окружающую среду («environmental impact assessment»)⁵⁰ [Schrijver 2008:162, 208].

При всей дискуссионности предложенных составляющих международно-правовых норм об устойчивом развитии, при имеющихся вопросах к внутренней логике их объединения, они нацелены на устойчивое развитие⁵¹, служат средствами достижения его целей, хотя могут иметь и свою весьма конкретную сфе-

⁴⁷ Наличие трёх компонентов устойчивого развития часто демонстрируется этой, обычно используемой в преамбуле международных договоров, формулировкой.

⁴⁸ Draft International Covenant on Environment and Development. 2017. P. 68. URL: <https://portals.iucn.org/library/sites/library/files/documents/EPLP-031-rev4.pdf> (accessed 09.04.2022).

⁴⁹ См., например ст. 2 Конвенции об определении минимальных условий доступа и эксплуатации морских ресурсов в границах районов, находящихся под юрисдикцией государств-членов Субрегиональной комиссии по рыболовству от 8 июня 2012 г.

⁵⁰ Н. Схрейвер выделяет семь принципов (ОВОС вместе с принципом предосторожности – один из них) и семь измерений устойчивого развития.

⁵¹ См. об этом, например: Zapata Lugo J. V. Sustainable development: A role for international environmental law. Thesis. 1994. P. 46-48, 71-116. Available from ProQuest Dissertations & Theses Global.

ру применения. При этом преобладающее мнение аналитиков состоит в более простом подходе к содержанию клаузул устойчивого развития, сводящемуся к «двум основным элементам»: а) учёту интересов и потребностей будущих поколений при одновременном рассмотрении нынешних потребностей; б) учёту вопросов охраны окружающей среды при воздействии экономическому развитию [Barral 2012: 380-381]. Предложено, впрочем, и иное упрощённое мнение, согласно которому клаузула устойчивого развития отражает три типа справедливости: а) справедливость по отношению к людям в пределах одного поколения – «внутрипоколенческая справедливость» («intragenerational justice»); б) справедливость по отношению к людям между разными поколениями – «межпоколенческая справедливость» («intergenerational justice») и в) справедливость по отношению к природе «justice to nature» [Sustainable Development...2016:I-XVII]. Эта вариативность научно-правовых мнений учтена в итоговом документе Саммита ООН по устойчивому развитию 2015 г. «**Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года**», где провозглашены аж 17 целей устойчивого развития⁵².

Не менее значимый вопрос: являются ли нормы об устойчивом развитии принципом международного права? Напомним, что принцип международного права – это международно-правовая норма, но норма особого уровня [Талалаев 1958:513]. Принципы международного права – это «концентрированно» выраженные нормы международного права; а основные принципы международного права имеют стержневой характер, выражают основополагающие идеи, ключевые положения международного права, обладают «высшей юридической силой»⁵³. Из принципов международного права «вытекают конкретные права и обязанности государств» [Тункин 1970:222]. В современной отечественной науке международного права подтверждается разграничение между принципами общего международного права

и отраслевыми принципами международного права [Нефёдов 2019: 9, 14]. Выделены межотраслевые образования, показаны недостатки бинарного противопоставления «принципы/нормы», а также «дихотомии основные/отраслевые принципы» [Ануфриева 2021:6-34]. Зарубежные авторы не столь строго придерживаются столь развитого понятийного аппарата, используя часто в качестве взаимозаменяемых слова «принцип»: «основной принцип» [Shaw 2021: 473], «абсолютный принцип» [Shaw 2021:564], «общий принцип»⁵⁴ [International Law...2003:75, 281; Orakhelashvili 2019:320; Shaw 2021:84, 87, 233, 820, 1160], «фундаментальный принцип» [International Law...2003: 336, 379; Oppenheim's International Law...1996:85; Shaw 2021:117, 473, 677, 871], «общепризнанный принцип» [International Law...2003: 378, 581; Oppenheim's International law...1996:110; Malanczuk 1997: 287; Shaw 2021: 444, 687, 949] и т. д. То есть отечественная международно-правовая наука демонстрирует более детальный, научно утончённый подход к применимому понятийному аппарату.

При любом подходе, однако, можно сделать вывод о том, что, во-первых, обозначенные в международных договорах нормы об устойчивом развитии не могут быть отнесены к «общим принципам права, признанным цивилизованными нациями» в контексте п. 1 ст. 38 Статута Международного Суда ООН. Во-вторых, нормы об устойчивом развитии некорректно квалифицировать и в качестве одного из основных принципов международного права, коль скоро последние перечислены в Уставе ООН. На наш взгляд, квалифицировать совокупность норм об устойчивом развитии в качестве принципа международного права следует в контексте отраслей международного права, прежде всего – международного экологического и морского права, ещё точнее – в межотраслевом формате, имея в виду и нормы международного экономического права. При этом принцип устойчивого развития, как было показано, выступает и на универсальном, и на региональном уровнях правоотношений государств.

Как уже отмечалось, при исследовании от-

⁵² Итоговый документ Саммита ООН по устойчивому развитию 2015 г.: Повестка дня в области устойчивого развития». Доступ: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda/> (дата обращения: 31.03.2022).

⁵³ Лукашук И.И. *Международное право. Общая часть: учебник для вузов*. М.: БЕК. 1996. С. 120-121.

⁵⁴ См. подробнее о том, что зарубежные авторы подразумевают под термином «общий» в различных контекстах: [Абацидзе 2017:24].

раслевых принципов международного морского права выделяется принцип защиты морской среды [Сперанская 1978:156-166; Киселев 1986:13-24]; при этом некоторые правоведы утверждали, что он сформировался изначально в качестве международного обычая [Витцтум и др. 2011:602]. Ст. ст. 192-196 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. достаточно обстоятельно раскрывают содержание этого принципа, подразумевающего: 1) предотвращение загрязнения морской среды, его ограничение и запрет; 2) охрану и рациональное использование морских природных ресурсов; 3) запрещение деятельности, причиняющей ущерб морской среде за пределами национальной юрисдикции; 4) обязанность сотрудничества в области защиты морской среды и возмещения причинённого ущерба⁵⁵.

Задолго до подписания Конвенции 1982 г. Л.В. Сперанская обозначила следующие принципы международного права, применимые к охране морской среды, часть которых находилась в то время ещё в процессе формирования: 1) принцип охраны экологического равновесия; 2) принцип охраны морской среды; 3) принцип недопустимости причинения государством своей деятельностью в пределах своей юрисдикции вреда морской среде других государств; 4) принцип ответственности государства за нанесённый ущерб окружающей среде других государств; 5) принцип недопустимости загрязнения вод открытого моря в результате любого вида деятельности; 6) принцип равенства прибрежных и неприбрежных государств в пользовании свободами открытого моря. Среди новых принципов международного морского права в области охраны морской среды предложены: 7) принцип обязательного соблюдения всеми государствами международных стандартов, а также 8) принцип обязательности межгосударственных консультаций (если морской среде грозит опасность загрязнения) [Сперанская 1978:156-166]. При этом принцип устойчивого развития не назван. Следует, однако, иметь в виду, что не существует признанного всеми государствами перечня принципов

международного морского или экологического права. Кристаллизация нового международно-правового принципа в любой отрасли зависит от многих факторов. Например, некоторые правоведы-международники дополнительно выделяют принципы-ответвления, «производные от основного принципа охраны морской среды» [Сперанская 1978:158], или принципы предотвращения конкретных видов загрязнения [Иойрыш 1975:207; Малинин 1976:84-86; Чичварин 1966:220].

Вопрос о квалификации международно-правовых норм об устойчивом развитии в качестве принципа действующего международного права ставился ещё двадцать лет назад [Luff 1996:91-144; Klauer 1999:114-121; Lang 1999:157-172; Sands 1999:389-405; Sands 2003:252-266; Schrijver, Weiss 2004:7-38; 97-118; Schrijver 2008:162-221; Kates, Parris, Leiserowitz 2005:8-21; Birnie, Boyle, Redgwell 2009:115-127]. Эта позиция имела как сторонников, так и оппонентов [Dijan Widijowati et al. 2019:524-527]. Уже на тот момент авторы ссылались на конкретные международные договоры, акты «мягкого права», практику государств, на решения международных судебных учреждений, на заявленные намерения субъектов международного права соблюдать соответствующие нормы международного права.

В 1997 г. судья К. Виранмантри в особом мнении к **решению Международного Суда ООН по делу «Габчиково-Надьмарош»** сформулировал свою позицию: нормы об устойчивом развитии составляют принцип международного права. Но в течение некоторого периода преобладало скептическое отношение к этой позиции. Являются ли сегодня нормы об устойчивом развитии принципом современного международного права? Прав ли один из судей Международного Суда ООН в том, что эти нормы должны быть надлежащим образом учтены при вынесении решения и что они заслуживают оценки со стороны самого Суда, поскольку, дескать, эти нормы достигли уровня международного обычая⁵⁶? На это решение впоследствии сослался сам Международный Суд ООН,

⁵⁵ См. подробнее: *Международное морское право: учебное пособие*. Под ред. С.А. Гуреева. М.: Юридическая литература. 2003. С. 32.

⁵⁶ International Court of Justice: *Gabčíkovo-Nagymaros Project (Hungary/Slovakia)*, Judgment of 25 September 1997. Separate Opinion of Vice-President Weeramantry. P. 88-89, 94-95, 104. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/92/092-19970925-JUD-01-03-EN.pdf> (accessed 12.01.2022).

Международный трибунал по морскому праву, третейские группы и Апелляционный орган Всемирной торговой организации, а также Постоянная палата третейского суда. Можно констатировать, что за последние 25 лет усилилась тенденция учитывать принцип устойчивого развития, причём с акцентом на экоцентрический подход: обеспечение устойчивости экосистем планеты в целом, а не только людей, на ней живущих [Schrijver 2008:218].

Подобный правовой подход обозначал не только судья Виранмантри: судьи Аун аль-Хасауна и Бруно Зимма в особом мнении к решению по делу «Целлюлозные заводы на реке Уругвай» 2010 г. ссылались на принцип устойчивого развития⁵⁷; судья Кансаду Триндаде в особом мнении к этому же решению пришёл к выводу о том, что устойчивое развитие уже можно считать сформировавшимся принципом международного экологического права⁵⁸.

Квалификация норм об устойчивом развитии в качестве принципа международного права поддерживается не только в практике Международного Суда ООН. Государства и в двусторонней договорной практике прибегают к использованию понятия «принцип устойчивого развития»⁵⁹. В этом контексте показательным является письменное заявление Карибского регионального рыбохозяйственного механизма

(2013 г.)⁶⁰ в связи с консультативным заключением Международного трибунала по морскому праву⁶¹. В заявлении, в частности, упоминается о том, что статус и содержание принципа устойчивого развития были подробно рассмотрены тремя комитетами Ассоциации международного права: 1) Комитетом по правовым аспектам устойчивого развития (1992-2002 гг.)⁶²; 2) Комитетом по международному праву в области устойчивого развития (2003-2012 гг.)⁶³; 3) Комитетом по роли международного права в устойчивом управлении природными ресурсами в целях развития (2012 г. по н. в.)⁶⁴. В документе 2013 г. принцип устойчивого развития в сочетании с нормами об осторожном подходе, об экосистемном управлении рассматривается как руководство для целей реализации прав и выполнения обязательств государств флага и прибрежных государств в обеспечении устойчивого управления морскими живыми ресурсами, включая трансграничные рыбные запасы и запасы далеко мигрирующих рыб⁶⁵.

5. Заключение

Проведённый анализ применимых международно-правовых источников показывает, что положения, нацеливающие на устойчивое развитие, имеют уже солидную историю до-

⁵⁷ International Court of Justice: Pulp Mills on the River Uruguay (Argentina v. Uruguay). Judgment of 20 April 2010. Joint dissenting opinion Judges Al-Khasawneh and Simma. P. 120. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/135/135-20100420-JUD-01-01-EN.pdf> (accessed 12.01.2022).

⁵⁸ International Court of Justice: Pulp Mills on the River Uruguay (Argentina v. Uruguay). Judgment of 20 April 2010. Separate opinion of Judge Cañado Trindade. Paras 6, 132, 133, 138, 139, 147. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/135/135-20100420-JUD-01-04-EN.pdf> (accessed 12.01.2022).

⁵⁹ См., например: International Court of Justice: Pulp Mills on the River Uruguay (Argentina v. Uruguay). Judgment of 20 April 2010. Joint dissenting opinion Judges Al-Khasawneh and Simma. Para. 55. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/135/135-20100420-JUD-01-00-EN.pdf> (accessed 12.01.2022).

⁶⁰ International Tribunal for the Law of the Sea: Request for an Advisory Opinion submitted by the Sub-Regional Fisheries Commission (SRFC). Written Statement of the Caribbean Regional Fisheries Mechanism (CRFM) of 27 November 2013. P. 11-12. URL: https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/case_no.21/written_statements_round1/C21_Response_Round_1_CRFM.pdf (accessed 12.01.2022).

⁶¹ International Tribunal for the Law of the Sea: Request for an Advisory Opinion submitted by the Sub-Regional Fisheries Commission (SRFC) (Request for Advisory Opinion submitted to the Tribunal). April 2, 2015. P. 4. URL: https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/case_no.21/advisory_opinion_published/2015_21-advop-E.pdf

⁶² ILA's Committee on the Legal Aspects of Sustainable Development (1992-2002). URL: <http://www.ila-hq.org/en/committees/index.cfm/cid/25> (accessed 21.04.2022).

⁶³ ILA's Committee on International Law on Sustainable Development (2003-2012). URL: <http://www.ila-hq.org/en/committees/index.cfm/cid/1017> (accessed 21.04.2022).

⁶⁴ ILA's Committee on the Role of International Law in Sustainable Natural Resource Management for Development (2012 – present). URL: https://www.ila-hq.org/en_GB/committees/role-of-international-law-in-sustainable-natural-resource-management-for-development (accessed 21.04.2022).

⁶⁵ International Tribunal for the Law of the Sea: Request for an Advisory Opinion submitted by the Sub-Regional Fisheries Commission (SRFC). Written Statement of the Caribbean Regional Fisheries Mechanism (CRFM) of 27 November 2013. Para. 35. URL: https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/case_no.21/written_statements_round1/C21_Response_Round_1_CRFM.pdf (accessed 12.01.2022).

говорно-правового закрепления и отражения в иных источниках международного права. В настоящее время сохраняется тенденция придерживаться в большинстве международных договоров при определении понятия «устойчивое развитие» или отдельных его элементов (в частности, устойчивого управления; устойчивого использования) формулировки, разработанной в «Докладе Брундтланд» 1987 г., хотя есть и исключения (цитируемая выше Конвенция о сотрудничестве в области защиты и устойчивого развития морской и прибрежной среды северо-восточной части Тихого океана 2002 г.). До распространения в договорной практике государств термина «устойчивое развитие» наиболее часто в международных договорах использовались такие термины, отражающие принцип устойчивого развития, как: «сохранение, управление и разумное (рациональное/оптимальное) использование природных ресурсов»; «устойчивое использование и сохранение»; «справедливое и эффективное использование природных ресурсов»; «устойчивое (разумное / рациональное / экологически безопасное и обоснованное) управление ими»; «здоровое развитие экономики, сбалансированный рост торговли при упорядоченном, безопасном и рациональном использовании ресурсов» и др.

На фоне такой реальности не представляется возможным согласиться с правоведами, отрицающими нормативное содержание понятия «устойчивое развитие», рассматривающие его лишь как намерение государств. Клаузулы устойчивого развития представляют собой международно-правовые нормы, предусматривающие права и обязательства государств по конкретным международным договорам, участниками которых они являются. Другое дело, что объём таких прав и обязательств различается в зависимости от конкретного договора. Соответственно, с практикой исполнения этих договоров будет уточняться и содержание применимых норм. Что касается характера складывающегося в международном праве принципа устойчивого развития, то было бы не вполне корректно, как это делается в некоторых цитированных выше трудах, относить дан-

ный принцип либо к экологическому, либо к морскому праву, либо к принципу общего международного права; это, скорее, межотраслевой принцип международного права. Межотраслевой характер принципа устойчивого развития обусловлен прежде всего тем, что он охватывает правоотношения в различных сферах деятельности государств, зачастую тесно взаимосвязанные между собой, между которыми порой трудно провести чёткое разграничение. Юридическое содержание принципа устойчивого развития выходит за рамки отдельных отраслей международного права: международного морского, экологического или экономического права. Вместе с тем большинство международных договоров универсального и особенно регионального характера, в которых содержатся в том или ином виде клаузулы устойчивого развития, сегодня относятся к источникам международного морского права. Государства, регулируя морские, экологические, экономические отношения, принимают на себя обязательства для поддержания и соблюдения данного принципа в соответствующей области.

С точки зрения толкования и правоприменения принцип устойчивого развития нацелен на разрешение противоречий между правом государств прежде всего на нынешнее экономическое развитие и их обязанностью защищать окружающую среду, столь значимую и для будущих поколений, выполняя функцию «связующего звена», не позволяющего пренебрегать ни первым, ни вторым.

Принцип устойчивого развития – это межотраслевое международно-правовое начало, от которого в контексте приведённых международных договоров уже недопустимо отступать; средствами достижения устойчивого развития являются специальные механизмы, сложившиеся в международном морском, экологическом, экономическом праве, причём обозначенные отрасли не составляют законченный перечень. Пока преждевременно констатировать, что в сложившейся сегодня договорной практике государств раскрыт весь объём юридического содержания клаузул устойчивого развития.

Список литературы

1. Абашидзе А.Х. 2017. Принципы международного права: проблемы понятийно-содержательного характера. – *Московский журнал международного права*. № 4. С. 19-30. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2017-4-19-30>
2. Ануфриева Л.П. 2021. Продолжая дискуссию о собственно «принципах» в современном международном праве и не только... – *Московский журнал международного права*. № 2. С. 6-34. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-2-6-34>.
3. Бринчук М.М. 2011. Вселенная – универсальная естественная экологическая система: эколого-правовой и философский аспекты. – *Астраханский вестник экологического образования*. № 2 (18). С. 6-19.
4. Бринчук М.М. 2014. Концепция устойчивого развития как методологическая основа цивилизационного развития. – *Государство и право*. №10. С. 15-24.
5. Витцтум Г. [и др.]. 2011. *Международное право*. М.: Инфотропик Медиа. 1072 с.
6. Вылегжанин А.Н. 2001. *Морские природные ресурсы (международно-правовой режим)*. М.: Минэкономразвития России и РАН. 298 с.
7. Иойрыш А.И. 1975. *Атомная энергия*. Правовые проблемы. М.: Наука. 215 с.
8. Киселев В.А. 1986. *Международные соглашения по предотвращению загрязнения морской среды с судов*. М.: Транспорт. 120 с.
9. Копылов М.Н. 2003. Вклад Международного союза охраны природы и природных ресурсов в кодификацию и прогрессивное развитие международного экологического права. – *Московский журнал международного права*. № 2. С. 228-244. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2003-2-228-244>.
10. Малинин С.А. 1976. *Правовое обеспечение недопущения радиационного заражения морских пространств. – Международно-правовые проблемы Мирового океана на современном этапе*. М.: Транспорт. С. 84-86.
11. Нефёдов Б.И. 2019. Принципы в международном праве: терминология. – *Московский журнал международного права*. № 1. С. 6-17. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2019-1-6-17>.
12. Сперанская Л.В. 1978. *Международно-правовая охрана морской среды*. М.: Наука. 176 с.
13. Талалаев А.Н. 1959. Об основных принципах международного права. – *Советский ежегодник международного права, 1958*. М.: Издательство АН СССР. С. 513-515.
14. Тункин Г.И. 1970. *Теория международного права*. М.: Международные отношения. 511 с.
15. Хромов С.С. 1984. *Проблема окружающей среды в деятельности ООН*. М.: Наука. 190 с.
16. Чичварин В.А. 1966. *Международные соглашения по охране природы*. М.: Юридическая литература. 420 с.
17. Alam A. 2021. Regional Marine Spatial Planning: A Tool for Greening Blue Economy in the Bay of Bengal. – *Sustainability in the Maritime Domain. Strategies for Sustainability*. Ed. by A. Carpenter, T.M. Johansson, J.A. Skinner. Cham: Springer. P. 61-80. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-69325-1_3
18. Andresen S. 2016. The Role of International Courts and Tribunals in Global Environmental Governance. – *Air & Space Power Journal Africa & Francophonie*. Vol. 7. No 3. P. 67-81.
19. Barral V. 2012. Sustainable Development in International Law: Nature and Operation of an Evolutive Legal Norm. – *European Journal of International Law*. Vol. 23. Issue 2. P. 377-400. DOI: <https://doi.org/10.1093/ejil/chs016>
20. Birnie P.W., Boyle A.E., Redgwell C. 2009. *International Law and the Environment*. 3rd ed. Oxford; New York: Oxford University Press. 851 p.
21. Bratspies R.M. 2007. Rethinking Decisionmaking in International Environmental Law: A Process-Oriented Inquiry into Sustainable Development. – *The Yale Journal of International Law*. Vol. 32. P. 369-397.
22. Dijan Widijowati R. [et al.]. 2019. Sustainable Development: Legal Status and Formulation. – *Social Sciences on Sustainable Development for World Challenge: The First Economics, Law, Education and Humanities International Conference*. P. 506-534. DOI 10.18502/kss.v3i14.4334. URL: <https://knepublishing.com/index.php/KnE-Social/article/view/4334/8949> (accessed 12.03.2022)
23. Dupuy P.-M., Viñuales J.E. 2018. *International Environmental Law*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press. 594 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781108399821>
24. Duran D.C. [et al.]. 2015. The Components of Sustainable Development – A Possible Approach. – *Procedia Economics and Finance*. Vol. 26. P. 806-811. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2212-5671\(15\)00849-7](https://doi.org/10.1016/S2212-5671(15)00849-7)
25. *Guide to Sustainable Development and Environmental Policy*. Ed. by W.L. Ascher and N. Mirovitskaya. 2002. New York: Duke University Press. 424 p. DOI: <https://doi.org/10.1515/9780822381037>.
26. Hawkes J. 2001. *The Fourth Pillar of Sustainability: Culture's essential role in public planning*. Melbourne: Common Ground. 80 p. URL: <https://www.americansforthearts.org/sites/default/files/HawkesJon%282001%29TheFourthPillarOfSustainability.pdf> (accessed 12.03.2022)
27. *International Law and Sustainable Development: Principles and Practice*. Ed. by N.J. Schrijver and F. Weiss. 2004. Leiden; Boston: Martinus Nijhoff. 711 p.
28. *International Law*. Ed. by M.D. Evans. 2003. Oxford: Oxford University Press. 841 p.
29. Jiang Y. 2016. The CBD Principle in the UN 2030 Agenda for Sustainable Development. – *China Quarterly of International Strategic Studies*. Vol. 2. Issue 2. P. 169-184. DOI: <https://doi.org/10.1142/S237740016500159>
30. Kates W.R., Parris T.M., Leiserowitz A.A. 2005. What is Sustainable Development? Goals, Indicators, Values, and Practice. – *Environment: Science and Policy for Sustainable Development*. Vol. 47. Issue 3. P. 8-21. DOI: <https://doi.org/10.1080/00139157.2005.10524444>
31. Klauer B. 1999. Defining and Achieving Sustainable Development. – *The International Journal of Sustainable Development & World Ecology*. Vol. 6. Issue 2. P. 114-121. DOI: <https://doi.org/10.1080/13504509909470000>
32. Lang W. 1999. UN-Principles and International Environmental Law. – *Max Planck Yearbook of United Nations Law Online*. P. 157-172. DOI:10.1163/187574199X00045. URL: https://www.mpil.de/files/pdf2/mpunyb_lang_3.pdf (accessed 12.03.2022)
33. Luff D. 1996. An Overview of International Law of Sustainable Development and a Confrontation between WTO Rules and Sustainable Development. – *Revue Belge de Droit International*. No. 1. P. 91-144.
34. Malanczuk P. 1997. *Akehurst's Modern Introduction to International Law*. 7th ed. London; New York: Routledge. 449 p.

35. *Oppenheim's International Law. Vol. I.* 9th ed. Ed. by R. Jennings and A. Watts. 1996. London; New York: Longman. 550 p.
36. Orakhelashvili A. 2019. *Akehurst's Modern Introduction to International Law.* 8th ed. London; New York: Routledge. 581 p.
37. Sands P. 1999. International Courts and the Application of the Concept of "Sustainable Development". – *Max Planck Yearbook of United Nations Law Online.* P. 389-405. DOI:10.1163/187574199X00108. URL: https://www.mpil.de/files/pdf2/mpunyb_sands_3.pdf (accessed 12.03.2022)
38. Sands P. 2003. *Principles of International Environmental Law.* Cambridge: Cambridge University Press. 1116 p.
39. Schrijver N.J. 2008. *The Evolution of Sustainable Development in International Law: Inception, Meaning and Status.* The Hague: Brill. 276 p.
40. Shaw M.N. 2021. *International Law.* 9th ed. Cambridge: Cambridge University Press. 1308 p.
41. Spalding M.J., Braestrup A.E., Refosco A. 2021. Greening the Blue Economy: A Transdisciplinary Analysis. – *Sustainability in the Maritime Domain. Strategies for Sustainability.* Ed. by A. Carpenter, T.M. Johansson, J.A. Skinner. Cham: Springer. P. 27-60. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-69325-1_2
42. *Sustainable Development and the Law of the Sea.* Ed. by Z. Keyuan. 2016. Leiden: Brill. 306 p.
43. *Towards an Ecologically Sustainable Economy.* Ed. by B. Aniansson and U. Svedin. 1990. Stockholm: Swedish Council for Planning and Coordination of Research. 136 p.
44. Trouwborst A. 2007. The Precautionary Principle in General International Law: Combating the Babylonian Confusion. – *Review of European Community & International Environmental Law.* Vol. 16. Issue 2. P.185-195. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9388.2007.00553.x>
45. Van den Bossche P., Zdouc W. 2022. *The Law and Policy of the World Trade Organization: Text, Cases, and Materials.* 5th ed. Cambridge: Cambridge: Cambridge University Press. 1220 p.
- Beyond the Same]. – *Moscow Journal of International Law.* 2021. No. 2. P. 6-34. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-2-6-34>.
5. Barral V. Sustainable Development in International Law: Nature and Operation of an Evolutive Legal Norm. – *European Journal of International Law.* 2012. Vol. 23. Issue 2. P. 377-400. DOI: <https://doi.org/10.1093/ejil/chs016>
6. Birnie P.W., Boyle A.E., Redgwell C. *International Law and the Environment.* 3rd ed. Oxford; New York: Oxford University Press. 2009. 851 p.
7. Bratspies R.M. Rethinking Decisionmaking in International Environmental Law: A Process-Oriented Inquiry into Sustainable Development. – *The Yale Journal of International Law.* 2007. Vol. 32. P. 369-397.
8. Brinchuk M.M. Vselennaya – universal'naya estestvennaya ekologicheskaya sistema: ekologo-pravovoi i filosofskii aspekty [The Universe – the Universal Natural Ecological System: Ecological and Legal and Philosophical Aspects]. – *Astrakhanskii vestnik ekologicheskogo obrazovaniya.* 2011. No. 2. P. 6-19. (In Russ.)
9. Brinchuk M.M. Kontseptsiya ustoichivogo razvitiya kak metodologicheskaya osnova tsivilizatsionnogo razvitiya [The Concept of Sustainable Development as a Methodological Basis for Civilizational Development]. – *Gosudarstvo i pravo.* 2014. No.10. P. 15-24. (In Russ.)
10. Chichvarin V.A. *Mezhdunarodnye soglasheniya po okhrane prirody* [International Agreements on Nature Protection]. Moscow: Yuridicheskaya literature Publ. 1966.420 p. (In Russ.)
11. Dijan Widijowati R. [et al.]. Sustainable Development: Legal Status and Formulation. – *Social Sciences on Sustainable Development for World Challenge: The First Economics, Law, Education and Humanities International Conference.* 2019. P. 506-534. DOI 10.18502/kss.v3i14.4334. URL: <https://knepublishing.com/index.php/KnE-Social/article/view/4334/8949> (accessed 12.03.2022)
12. Dupuy P.-M., Viñuales J.E. *International Environmental Law.* 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press. 2018. 594 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781108399821>
13. Duran D.C. [et al.]. The Components of Sustainable Development – A Possible Approach. – *Procedia Economics and Finance.* 2015. Vol. 26. P. 806-811. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2212-5671\(15\)00849-7](https://doi.org/10.1016/S2212-5671(15)00849-7)
14. *Guide to Sustainable Development and Environmental Policy.* Ed. by W.L. Ascher and N. Mirovitskaya. New York: Duke University Press. 2002. 424 p. DOI: <https://doi.org/10.1515/9780822381037>.
15. Hawkes J. *The Fourth Pillar of Sustainability: Culture's essential role in public planning.* Melbourne: Common Ground. 2001. 80 p. URL: <https://www.americansforthearts.org/sites/default/files/HawkesJon%282001%29TheFourthPillarOfSustainability.pdf> (accessed 12.03.2022)
16. *International Law and Sustainable Development: Principles and Practice.* Ed. by N.J. Schrijver and F. Weiss. Leiden; Boston: Martinus Nijhoff. 2004. 711 p.
17. *International Law.* Ed. by M.D. Evans. Oxford: Oxford University Press. 2003. 841 p.
18. Ioirysh A.I. *Atomnaya energiya. Pravovye problem* [Atomic Energy. Issues of Law]. Moscow: Nauka Publ. 215 p. (In Russ.)
19. Jiang Y. The CBDR Principle in the UN 2030 Agenda for Sustainable Development. – *China Quarterly of International Strategic Studies.* 2016. Vol. 2. Issue 2. P. 169-184. DOI: <https://doi.org/10.1142/S2377440016500159>

References

1. Abashidze A.Kh. Printsipy mezhdunarodnogo prava: problemy ponyatiino-soderzhatel'nogo kharaktera [Principles of International Law: Conceptual and Substantive Problems]. – *Moscow Journal of International Law.* 2017. No. 4. P. 19-30. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2017-4-19-30>
2. Alam A. Regional Marine Spatial Planning: A Tool for Greening Blue Economy in the Bay of Bengal. – *Sustainability in the Maritime Domain. Strategies for Sustainability.* Ed. by A. Carpenter, T.M. Johansson, J.A. Skinner. Cham: Springer. 2021. P. 61-80. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-69325-1_3
3. Andresen S. The Role of International Courts and Tribunals in Global Environmental Governance. – *Air & Space Power Journal Africa & Francophonie.* 2016. Vol. 7. No 3. P. 67-81.
4. Anufrieva L.P. Prodolzhaty diskussiyu o sobstvenno "printsipakh" v sovremennom mezhdunarodnom prave i ne tol'ko... [Following up the Discussion on the stricto sensu 'Principles' in Modern International Law, and

20. Kates W.R., Parris T.M., Leiserowitz A.A. What is Sustainable Development? Goals, Indicators, Values, and Practice. – *Environment: Science and Policy for Sustainable Development*. 2005. Vol. 47. Issue 3. P. 8-21. DOI: <https://doi.org/10.1080/00139157.2005.10524444>
21. Khromov S.S. *Problema okruzhayushchei sredy v deyatel'nosti OON* [The Problem of the Environment in the Activity of the United Nations]. Moscow: Nauka Publ. 1984. 190 p. (In Russ.)
22. Kiselev V.A. *Mezhdunarodnye soglasheniya po predotvrashcheniyu zagryazneniya morskoi sredy s sudov* [International Agreements on Prevention of Marine Pollution from Ships]. Moscow: Transport Publ. 1986. 120 p. (In Russ.)
23. Klauer B. Defining and Achieving Sustainable Development. – *The International Journal of Sustainable Development & World Ecology*. 1999. Vol. 6. Issue 2. P. 114-121. DOI: <https://doi.org/10.1080/13504509909470000>
24. Kopylov M.N. Vklad Mezhdunarodnogo soyuza okhrany prirody i prirodnykh resursov v kodifikatsiyu i progressivnoe razvitie mezhdunarodnogo ekologicheskogo prava [The Contribution of the International Union For Conservation of Nature and Natural Resources to the Codification and Progressive Development of International Environmental Law]. – *Moscow Journal of International Law*. 2003. No. 2. P. 228-244. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2003-2-228-244>.
25. Lang W. UN-Principles and International Environmental Law. – *Max Planck Yearbook of United Nations Law Online*. 1999. P. 157-172. DOI: [10.1163/187574199X00045](https://doi.org/10.1163/187574199X00045). URL: https://www.mpil.de/files/pdf2/mpunyb_lang_3.pdf (accessed 12.03.2022)
26. Luff D. An Overview of International Law of Sustainable Development and a Confrontation between WTO Rules and Sustainable Development. – *Revue Belge de Droit International*. 1996. No. 1. P. 91-144.
27. Malanczuk P. *Akehurst's Modern Introduction to International Law*. 7th ed. London; New York: Routledge. 1997. 449 p.
28. Malinin S.A. Pravovoe obespechenie nedopushcheniya radiatsionnogo zarazheniya morskikh prostranstv [Legal Ensuring the Prevention of Radiation Contamination of Marine Areas]. – *Mezhdunarodno-pravovye problemy Mirovogo okeana na sovremennom etape* [International Legal Problems of the World Ocean at the Present Stage]. Moscow: Transport Publ. 1976. P. 84-86. (In Russ.)
29. Nefedov B.I. Printsipy v mezhdunarodnom prave: terminologiya [Principles in International Law: terminology]. – *Moscow Journal of International Law*. 2019. No. 1. P. 6-17. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2019-1-6-17>.
30. *Oppenheim's International law. Vol. I*. 9th ed. Ed. by R. Jennings and A. Watts. London; New York: Longman. 1996. 550 p.
31. Orakhelashvili A. *Akehurst's Modern Introduction to International Law*. 8th ed. London; New York: Routledge. 2019. 581 p.
32. Sands P. International Courts and the Application of the Concept of "Sustainable Development". – *Max Planck Yearbook of United Nations Law Online*. 1999. P. 389-405. DOI: [10.1163/187574199X00108](https://doi.org/10.1163/187574199X00108). URL: https://www.mpil.de/files/pdf2/mpunyb_sands_3.pdf (accessed 12.03.2022)
33. Sands P. *Principles of International Environmental Law*. Cambridge: Cambridge University Press. 2003. 1116 p.
34. Schrijver N.J. *The Evolution of Sustainable Development in International Law: Inception, Meaning and Status*. The Hague: Brill. 2008. 276 p.
35. Shaw M.N. *International Law*. 9th ed. Cambridge: Cambridge University Press. 2021. 1308 p.
36. Spalding M.J., Braestrup A.E., Refosco A. Greening the Blue Economy: A Transdisciplinary Analysis. – *Sustainability in the Maritime Domain. Strategies for Sustainability*. Ed. by A. Carpenter, T.M. Johansson, J.A. Skinner. Cham: Springer. 2021. P. 27-60. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-69325-1_2
37. Speranskaya L.V. *Mezhdunarodno-pravovaya okhrana morskoi sredy* [International Legal Protection of the Marine Environment]. Moscow: Nauka Publ. 1978. 176 p. (In Russ.)
38. *Sustainable Development and the Law of the Sea*. Ed. by Z. Keyuan. Leiden: Brill. 2016. 306 p.
39. Talalaev A.N. Ob osnovnykh printsipakh mezhdunarodnogo prava [On the Basic Principles of International Law]. – *Sovetskii ezhegodnik mezhdunarodnogo prava, 1958* [Soviet Yearbook of International Law, 1958]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR Publ. 1959. P. 513-515. (In Russ.)
40. *Towards an Ecologically Sustainable Economy*. Ed. by B. Aniansson and U. Svedin. Stockholm: Swedish Council for Planning and Coordination of Research. 1990. 136 p.
41. Trouwborst A. The Precautionary Principle in General International Law: Combating the Babylonian Confusion. – *Review of European Community & International Environmental Law*. 2007. Vol. 16. Issue 2. P. 185-195. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9388.2007.00553.x>
42. Tunkin G.I. *Teoriya mezhdunarodnogo prava* [Theory of International Law]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. 1970. 511 p. (In Russ.)
43. Van den Bossche P., Zdouc W. *The Law and Policy of the World Trade Organization: Text, Cases, and Materials*. 5th ed. Cambridge: Cambridge: Cambridge University Press. 2022. 1220 p.
44. Vitzthum W. [et al.]. *Völkerrecht* (Russ. ed.: Vitzthum W. [et al.]. *Mezhdunarodnoe pravo*. Moscow. Infotropik Media Publ. 2011. 1072 p.)
45. Vylegzhanin A.N. *Morskije prirodnye resursy (mezhdunarodno-pravovoi rezhim)* [Marine Natural Resources (International Legal Regime)]. Moscow: Minekonomrazvitiya Rossii i RAN. 2001. 298 p. (In Russ.)

Информация об авторах**Александр Николаевич Вылегжанин,**

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

119454, Российская Федерация, Москва, проспект Вернадского, д. 76

danilalvy@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4833-2525

Анастасия Михайловна Корженяк,

аспирантка кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

119454, Российская Федерация, Москва, проспект Вернадского, д. 76

mihkor@gmail.com

ORCID: 0000-0002-7162-2785

About the Authors**Alexander N. Vylegzhanin,**

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of International Law, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia

76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454

danilalvy@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4833-2525

Anastasia M. Korzhenyak,

Postgraduate Student at the Department of International Law, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia

76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454

mihkor@gmail.com

ORCID: 0000-0002-7162-2785